

Николай Панов

СУРРОГАТ

18+

Николай Панов

Суррогат

«Автор»

2019

Панов Н. В.

Суррогат / Н. В. Панов — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07501-6

Роман-антиутопия, рассказывающий о группе ученых, пытавшихся наконец-то разработать искусственный интеллект. Отвергнутые официальной наукой, они приступили к осуществлению мечты самостоятельно. Воплощением их труда стало создание существа гуманоидного типа, так называемого иммуноандроида. Казалось, что все получилось. Однако все ли так просто?

ISBN 978-5-532-07501-6

© Панов Н. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

От автора	6
Вместо предисловия	7
Действие первое	8
Действие второе	9
Действие третье	10
Действие четвертое	11
Действие пятое	12
Действие шестое	13
Действие седьмое	15
Действие восьмое	16
Действие девятое	17
Действие десятое	18
Действие одиннадцатое	19
Действие двенадцатое	20
Действие тринадцатое	22
Действие четырнадцатое	23
Действие пятнадцатое	24
Действие шестнадцатое	25
Действие семнадцатое	27
Действие восемнадцатое	28
Действие девятнадцатое	29
Действие двадцатое	30
Действие двадцать первое	31
Действие двадцать второе	32
Действие двадцать третье	34
Действие двадцать четвертое	35
Действие двадцать пятое	37
Действие двадцать шестое	38
Действие двадцать седьмое	39
Действие двадцать восьмое	40
Действие двадцать девятое	41
Действие тридцатое	43
Действие тридцать первое	44
Действие тридцать второе	45
Действие тридцать третье	46
Действие тридцать четвертое	47
Действие тридцать пятое	50
Действие тридцать шестое	52
Действие тридцать седьмое	53
Действие тридцать восьмое	55
Действие тридцать девятое	56
Действие сороковое	57
Действие сорок первое	58
Действие сорок второе	59
Действие сорок третье	60
Действие сорок четвертое	61

Действие сорок пятое	62
Действие сорок шестое	63
Действие сорок седьмое	64
Действие сорок восьмое	65
Действие сорок девятое	67
Действие пятидесятое	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

От автора

Данная книга написана на основании научных статей, опубликованных в журнале «Нейрокомпьютеры». Автором идеи и главным консультантом является мастер боевых искусств, вице-президент Федерации Вовинам Вьет Во Дао России Михаил Владимирович Федулов. Им в науку внедрены следующие понятия: «единое информационное ядро» и «технический допинг». Также он является разработчиком теории движения и алгоритмов и теории коммуникации и взаимодействия и продолжает работать в данном направлении. Именно боевые искусства Востока после тщательного изучения их Михаилом Владимировичем Федуловым приобрели совершенно иной смысл, которые позволяют назвать их самым ярким примером не только данных теорий, но и приводят к кардинальному переосмыслению общих представлений в науке.

На основании этой идеи и был написан роман «Суррогат». Автор данного романа также является соавтором научных статей Михаила Владимировича Федулова. Автором романа в науку внедрены понятия «технический иммунитет», «иммуноандроид».

Консультанты:

Надежда Александровна Логинова является основным консультантом в некоторых вопросах биологии, соавтором научных публикаций по данной теме, а также самым строгим читателем и критиком;

Иван Борисович Комков является коллегой и соавтором научных публикаций по данной теме;

Савельев Александр Викторович является консультантом в области философии и также соавтором научных публикаций;

Косицын Николай Степанович, являясь заслуженным деятелем науки РФ, горячо поддержал коллектив авторов идеи теории движений и алгоритмов, основанных на боевых искусствах Востока. Также является соавтором данных научных публикаций;

Сичкарь Юрий Ярославович – старший оперуполномоченный уголовного розыска. Капитан полиции;

Тюкаев Александр Валерьевич – террариумист.

Также роман опирается на статью Юрия Коноплянникова «Медвежья услуга. Нестандартный взгляд на лекарственную терапию» (Журнал «Риск», 1993 год).

Вместо предисловия

С Николаем мы знакомы уже много лет. Когда-то давно он пришел в зал, где я занимался. Мой тренер, Леонид Анатольевич, сказал, что он человек опытный, имеет хорошую школу, но, в отличие от многих других, за регалиями и поясами не гнался. Советы и рекомендации были и вправду дельными, поэтому Николай быстро завоевал мое уважение и авторитет. Интересной чертой, отличающей его от других, был неподдельный и искренний интерес к той технике, которую мы выполняли. Сам он не любил и не любит бахвалиться своими навыками, но при этом задавал вопросы о технических тонкостях исполнения тех или иных приемов, скрупулезно разбирая технику «но нотам». На тренировках он также стремился к физическому здоровью. И наши тренировки очень помогли ему в этом.

Потом на несколько лет Николай пропал из моего поля зрения. И вот на этом вся история для меня и началась...

Как-то он снова появился у нас в додзё, окрыленный какой-то идеей. Он в привычной для себя форме стал засыпать меня и моего тренера разными вопросами не только о каратэ, но и о боевых искусствах в целом.

Сам я к этому моменту занимался каратэ кёкусинкай более 20 лет и за этот период попробовал еще несколько школ каратэ и ушу, побывал на множестве различных семинаров по ката, «боевой» технике, по работе с оружием, выступал на соревнованиях по кумитэ и ката, сам уже не один год тренировал взрослых и детей, давая им основы мастерства... Но, признаюсь честно, мне было крайне трудно отвечать на его вопросы (особенно на те, почему надо делать именно так, а не иначе).

После разговора он предложил нам приехать на тренировку к его старому знакомому – Мише. Леонид ответил уклончиво, а я спустя некоторое время из уважения к Николаю согласился съездить на «очередной семинар». Для «успокоения души», так сказать...

Мишей оказался Федулов Михаил, вице-президент Федерации Вовинам Вьет Во Дао России.

«Очередной семинар»... За пару часов тренировок до меня постепенно дошло, что то, чем я занимался до того все эти годы, был исключительно спорт, который к боевым искусствам имеет мало отношения. Все мои шаблоны и рамки рушились одна за другой. И это была только вершина айсберга.

Со временем Николай и Михаил включили меня в совместную работу по изучению боевых искусств и их, как это ни парадоксально звучит, «теории». Для взыскательных читателей сразу хочу оговориться, что в этой «теории» практики больше, чем во многих «практических» семинарах, на которых я побывал.

На основе идей, автором которых всецело является Михаил, нами было опубликовано несколько научных статей, которые и вдохновили Николая на написание данной книги.

*Иван Борисович Комков,
тренер спортивного клуба «Канку» (г. Троицк)
Московской Федерации Кёкусинкай (IFK),
черный пояс, 1-й дан*

Действие первое

Нет на свете тяжелее и радостнее минуты, когда наконец завершается многолетняя работа, связанная с открытием чего-то нового, а уж тем более если это новое может вывести мир на совершенно иной уровень развития. Фактически наступает новая эпоха! И вот он, пожилой ученый, наконец завершил свою работу и теперь, разглядывая ее, мечтал о будущем. Целый ворох бумаг лежал на его столе.

– Да, это так. Именно так! А сколько еще предстоит, подумать страшно. Это целый переворот в науке, – рассуждал он вслух, разглаживая непослушные седые волосы на плешивой голове.

Только что от него вышел друг и коллега. Поздний вечер окутал дома. Ученый решил попить чайку и, накинув клетчатый плед на плечи, вышел из комнаты и направился на кухню. Взял чайник, налил из-под крана воды и поставил на газовую плиту. Он закрыл усталые глаза и незаметно для себя задремал. Благо чайник со свистком, который он специально приобрел. Так он сидел и качался в жестком плетеном кресле.

И пока он дремал, в комнату проник посторонний с цифровым фотоаппаратом. Незванный гость долго наблюдал за ученым, выискивая подходящий момент, чтобы пробраться в рабочий кабинет к бумагам. К тому же этот некто обладал феноменальной зрительной памятью. И вот это время настало. Прокравшись к чертежам, он жадно рассматривал их, заодно снимая на фотоаппарат. Время у него было ограничено. Наконец, удовлетворенный тем, что ему удалось украсть информацию, незванный гость расправил плечи:

– Это то, что нужно! – произнес он.

Как ему хотелось взять хоть одну из бумаг, но он знал, что еще не время. Терпение было главным его козырем. Он умел ждать, не размениваясь на пустяки и дешевые эффекты. Но он знал, что придет время, и он завладеет бумагами. А пока неслышно вышел из квартиры и скрылся.

Действие второе

– Вызывали, Василий Александрович? – в кабинет начальника уголовного розыска вошел молодой человек лет тридцати, весьма крепкого телосложения. Блондин.

– А, заходи, заходи, Алексей! – начальник уголовного розыска сидел за столом, на котором лежало уголовное дело. – Совершено преступление. Вот несколько фотографий убитого. Это дело я поручаю тебе как молодому следователю. Убийство очень странное. Смерть наступила в результате тяжкого телесного повреждения.

– А почему именно убийство? – спросил Алексей.

– Понимаешь, Леша, дело в том, что уж больно странное это повреждение, – и Василий Александрович показал фотографии Алексею. – Вот, смотри. Какие ровные края, и рана большая. Грудная клетка как будто провалена внутрь. Эксперты пока не могут ничего сказать. Конечно, ты прав, может, это и не убийство вообще, а обыкновенный несчастный случай, но уж больно странное ранение. Человек этот подрабатывал грузчиком. Обнаружили его среди тары для бутылок. Посмотрели на него да и прямиком в морг отправили. Даже нас вызывать не стали. Конечно, факт зафиксирован, но на этом точка: типа упал да разбился. Вот и все. Ну, пьяница он был. Мало ли таких. У одного инфаркт, у другого... Да и в телогрейке он был, а она целехонька. А вот в морге-то, когда раздевать его стали, то и обнаружили на его теле эту рану. Ну чем он так себя мог поранить? Нас интересует то, что могло нанести ему такое ранение. Понимаешь теперь, о чем я толкую?

– Да, кажется, – ответил Алексей.

– Не торопись с выводами, пока не получишь серьезные доказательства. Ну, держай! Успеха! Да, ежели что, сразу докладывай. Ну, все, давай работай!

Алексей вышел из кабинета начальника и пошел к себе. Бросил дело на стол и начал внимательно изучать.

Произошло убийство. Убит одинокий гражданин. И почему сразу убийство? А может, в самом деле несчастный случай? Если он одинок, то, может быть, кто-то хотел завладеть его квартирой? Да какая там, к шутам, квартира, если убитый вообще полубомж. Ограбление тем более. Наверняка были дружки-собутельники. Вдруг деньги не поделили, а хотя, может быть, попросту проигрался, а отдавать не захотел, вот тогда они его и убили. Но тогда как? Каким способом? Ведь самое странное – это фотография убитого. Алексей внимательно ее рассмотрел. Нанесенная рана, в результате которой наступила смерть, не подходила ни к одному орудию преступления. Большая дыра в грудной клетке – как прорубь в водоеме. Странно все это. Квартира, как оказалось, у него все-таки была. Захудалая, но квартира! Работал каким-то грузчиком. Самый обыкновенный пьяница, не расстававшийся с алкоголем. Зачем его убивать? Скорее всего, это несчастный случай на работе. Обыкновенный несчастный случай. Тогда вопрос – откуда такая рана? Да и начальник не глуп. Что у него, работы, что ли, нету, как только всякие несчастные случаи рассматривать, да еще и с пропитыми насквозь алкашами?! Нет! Он мне не даст расследовать такое дело!

Действие третье

Морг. Жуткое место, не для слаонервных.

– Здравствуй, Иван Алексеевич. Как Ваши дела? – Алексей поздоровался с экспертом. – Я вот по этому делу, – Алексей показал дело.

– А! Здравствуй, здравствуй, Алексей! Да, понимаю. И ничего не понимаю одновременно. Пойдем, покажу.

Иван Алексеевич, старый знакомый, повел Алексея к холодильнику. Чуть выше среднего роста, Иван Алексеевич носил черный костюм. Он был немного тучный. Черные волосы зачесывал назад. Ему было немного больше шестидесяти лет. Дружил еще с отцом Алексея, когда тот был жив. Эксперт со стажем. Алексей очень ценил его точку зрения и вот теперь конкретное дело.

– Вот, полюбуйся!

– А Вы что скажете, Иван Алексеевич? У вас опыта хоть отбавляй! Как Вы думаете, что могло произойти и откуда такая рана? – Алексей смотрел на Ивана Алексеевича.

– Ты хотел спросить, чем нанесено такое повреждение? – Иван Алексеевич задумался. – Ну, что я тебе скажу на этот счет? В момент получения смертельного ранения человек находился в нетрезвом состоянии, похоже, что что-то не поделили, дошло до драки, в результате чего было нанесено данное телесное повреждение, которое вызвало смерть потерпевшего. Но чем был нанесен удар, установить не удалось. Ровные края и глубина раны. Честно говоря, у меня впервые такое. Сейчас проводим экспертизу. Посмотрим, что она покажет.

– А когда примерно будет готов результат? – спросил Алексей.

– Пока не знаю, Леша, но, думаю, пары дней будет достаточно. А вот дальше не знаю, – как-то неоднозначно и загадочно ответил Иван Алексеевич.

– Что Вы имеете в виду? – спросил Алексей.

– Видите ли, Леша, не все тут так просто. При таком ранении мы хотим представить себе, что в руках убийцы, если это действительно было убийство, ну, скажем, какой-то очень тяжелый предмет. Например, кувалда. Что же, вполне возможно. Ей проломить вот так грудную клетку вполне реально. Два или три бомжа подрались, и результат этой драки налицо. Тогда что? Искать кувалду, да и дело с концом. Но при анализе его рубашки микрочастиц железа не обнаружено. А вот телогрейка чистая. Возможно, ее надели на убитого после его смерти. Зачем? Чтобы скрыть рану. Удар был нанесен тогда, или когда он был вообще без рубашки, или я что-то не понимаю. Ведь рубашка была заправлена под ремень. И что, убийце было делать нечего, кроме как одевать убитого? Ему бежать надо, а не играть в похоронное бюро! Но самое интересное – это края раны. Они никак не подходят к кувалде. Форма не та. Да! Кувалда тяжелая, сделана из железа, и тут своя железная логика. Но есть логика и другого характера!

– А именно? – спросил Алексей.

– Есть понятие не тяжести, а жесткости, – ответил Иван Алексеевич.

– Вы хотите сказать, что мы столкнулись с «нечто»? С неким загадочным орудием убийства? – спросил Алексей. – Но кровь на его рубахе могла просто скрыть частицы железа.

– Возможно, не знаю, Леша, – ответил Иван Алексеевич. – Давайждемся заключения экспертизы. Одно могу сказать: что если мы найдем это оружие и принесем его в лабораторию, то перед нами откроется такая опасность, от которой нам мало не покажется! Во всяком случае, нам будет над чем «поломать голову».

Действие четвертое

Нет у следователя личной жизни. Его жизнь – следствие. Алексей пришел домой. Разговор с Иваном Алексеевичем заставил его о многом задуматься. Алексей внимательно рассматривал фотографии и ловил себя на том, что его мысли буквально раздваиваются! Что мотив преступления его уже, с одной стороны, не интересует, а с другой – он просто необходим. В противном случае загадка так и останется загадкой: чем и как нанесена такая рана?! Ну, зачем полубомжа, пьяницу, в конце концов, убивать и причем таким образом?! Странное орудие преступления было использовано для бомжа! Зачем? Нет! Тут что-то явно не то. Даже если и подрались, кто нанес такой удар? Кто? Бомж-собутыльник? Тогда вопрос – чем? Вычислив это, можно вычислить и убийцу, но вот вопрос: если вычислим орудие преступления, пойдем, как оно действует, то убийца вряд ли нас будет уже интересовать. Что, у очередного бомжа есть секретное оружие, о существовании которого никто не подозревает? Бред какой-то. Рассматривая фотки, Алексей мимоходом смотрел боевик. Как обычно, очередной «каратэшный» фильм оживлял голубой экран. Вдруг некая догадка появилась у него в голове: а что если на потерпевшего напали те, кто знаком с единоборствами? Вопрос – зачем? И какой единоборец-спортсмен пойдет с кулаками на бомжа? Бред какой-то. Телефонный звонок перебил его мысли.

– Алло! – поднял трубку Алексей. – Слушаю.

Это был звонок от эксперта.

– Алло! Алеша! Это Иван Алексеевич!

– О! Иван Алексеевич! Что-то новое? Чую, что-то откопали! Говорите скорее, а то у меня «терпелка» кончается!

Алексей был весь в предвкушении, что скажет эксперт.

– Слушай, Леша! Кое-что удалось узнать! Дело в том, что данное ранение возможно от удара рукой, точнее, кулаком. Единственное, что нанести этот удар мог человек с невероятной силой.

Сказанное экспертом, как гром среди ясного неба, поразило его и подтвердило его догадку.

– Иван Алексеевич! Дорогой! – Алексея буквально пот прошиб от волнения. – Так это что же, все-таки означает, что была драка? А потом одели как «принца»? Странно. Кому пришлось в голову во время драки убивать бомжа именно таким образом?

– Понимаю, Леша! – ответил Иван Алексеевич. – Среди его собутыльников вряд ли найдется такой, кто бы мог нанести такой удар. Это может быть какой-нибудь серьезный спортсмен.

– Спортсмен? А на кой шут спортсмену сдался бомж? – опешил Алексей.

– А вот в этих делах я уже не спец! – ответил Иван Алексеевич.

– Да, понимаю, – произнес Алексей. – А вы уверены, что все-таки спортсмен?

– Да не знаю я! Я просто предположил. А поиск – это уже за тобой. Вот такие дела, Леша!

Пока!

– Пока, – ответил Алексей и положил трубку.

Значит, догадка правильная – спортсмен! Причем не простой, а с большим стажем. А вот теперь появился вопрос – зачем?. Значит, мотив все-таки нужен! И его надо будет выяснить.

Действие пятое

На следующий день Алексей уже начал объезд спортивных учреждений с целью получения консультации у знатоков боевых искусств. «Вы знаете, в их практике бывало всякое, но все знаменитые сенсеи вне подозрения, – отвечали все. – Тем более что такой удар может нанести далеко не всякий, а лишь единицы. Человек незнающий вообще такого удара не нанесет. Либо это большой мастер, либо, простите, в стране появился Кинг-Конг!» «А спортсмен вообще мог пойти на такое?» – спрашивал Алексей. «Да вы что, – отвечали ему. – Конечно, нет! Может быть, какой-нибудь отщепенец». Повторяли, что такой удар мог нанести серьезный мастер. Но в спорте, да и вообще, на это дело табу! Алексей понимал, что задает мастерам глупые вопросы. Что главная задача боевых искусств – защита, а не нападение. Тогда вопрос: кто-то защищался от напавшего на него бомжа и не рассчитал силы? Но станет ли такой бомж нападать на спортсмена? Конечно, нет! Значит, произошло что-то иное? Тогда что произошло?

Действие шестое

Поезд дальнего следования выезжал из сибирских широт. Несколько вагонов были с зарешеченными окнами. Они были предназначены для перевозки заключенных. Женщины-заключенные ехали в пункт назначения из мест отбытия сроков. Все были как на подбор – молодые. Некоторые в самом расцвете. Шапки-ушанки и телогрейки не портили их красоты и привлекательности.

– Слышь, Люсь! А ты за что села? – спросила заключенная, которую все звали «Курносая». Курносая была совсем юная русоволосая красотка. Ее настоящее имя никто не знал, да это было никому и не нужно. Достаточно было, что «Курносая», и все. Однако все знали ее нетрадиционную ориентацию. А вот курносенькой она действительно была.

– А так, ни за что! – ответила Люся, поправив волосы. Люся была юна и весьма застенчива. У нее были длинные блондинистые волосы.

В действительности она защищалась от напавшего на нее насильника и нечаянно убила его. Он напал на нее у ее квартиры, когда она хотела уже открыть дверь. Совсем юная, не умеющая защищаться, она хотела спастись бегством и даже пробежала одну лестницу вниз, здесь он и настиг ее. Сначала слегка придушил, чтобы жертва не сопротивлялась и не кричала, а потом начал стягивать с нее нижнее белье. Он уже лежал на ней, когда Люся, придя в себя, стала отчаянно сопротивляться. Некоторое время назад она была в магазине. Первое, что пришло ей на ум, это дотянуться до хозяйственной сумки, что она и сделала, взять первое попавшееся и заехать ему по макушке. Этим первым попавшимся оказалась банка с маринованными огурцами. Она со всей силы обрушила ее на голову насильника. Тот оказался слегка оглушенным. Получив такой неожиданный отпор, преступник привстал. Все бы ничего, да дом был старой постройки. Освобожденная таким образом Люся оттолкнула его ногами и сама вскочила на ноги. Преступник, отброшенный таким образом к перилам, стоял спиной к лестничному пролету. А Люся в состоянии аффекта со всего размаху саданула ему кулаком по роже. Этого было достаточно! Преступника перегнуло через перила, и он с воплем полетел в пролет лестницы. Так Люся оказалась за решеткой. Хорошо еще, что на очень малый срок. Ей очень хотелось на волю, да и в принципе она не преступница. И вот она оказалась в вагоне, который обещал путь к свободе. Ведь среди заключенных женщин были не только отпетые преступницы, но и такие, кто получил небольшие сроки и очень мечтал поскорее вернуться к нормальной жизни.

– Если рассуждать по-твоему, этак, выходит, мы тут все ни за что. Так, что ли? – опять спросила Курносая.

– А я почто знаю? – ответила Люся. – Прокурорам виднее, за что садят. А вот куда едем, интересно.

– А ты чего, любознательная? – донимала ее женщина. – А знаешь, за что я сижу? А я тебе скажу. За домогательство! А ты симпатичная! Кожа белая. Я такую люблю. Ты, наверное, и ласковая? А я вот насиделась вдоволь, теперь на ласку тянет. А ты с женщиной никогда не ласкалась? Ах ты моя хорошая!

С этими словами женщина подошла к Люсе и поцеловала ее. Люся отстранила ее и, безразлично утираясь, сказала:

– Отвянь! Еще раз повторится, убью!

Эти слова пришлись Курносой не по душе. С криком:

– Ах ты сука! – она кинулась на Люсю и стала срывать с нее одежду. Люся пыталась сопротивляться, но Курносая повалила ее на пол и, усевшись сверху, стала избивать ее со словами:

– Получай! Я научу тебя быть ласковой!

Но тут же сама свалилась на пол от удара кулаком по голове.

– Успокойся! Иначе я тебя успокою! – проговорила другая молодая и, судя по фигуре, сильная женщина, таким образом освободившая Люсю. – Или ты хочешь, чтобы нас из-за тебя снова в Сибирь?! Москитам на закуску?! Ты, сука, не там срок тянешь, все ближе к курортам. Поэтому о нас думать тебе дела нету. А я тебе совету подумай.

Курносая держалась за голову руками.

– Уж и пошутить нельзя, – процедила она сквозь зубы.

Освобожденная Люся села в угол, поправляя одежду и волосы. Потерла припухшую от удара губу.

– Да хватит вам, бабы, в самом деле! Можно сказать, на свободу едем! Жратвы сколько обещали, вина, развлечения! Словом, здорово, бабы! А, я не права? А вы потасовку затеяли! – проговорила еще одна женщина.

– Ладно, мы затеяли, – ответила женщина, освободившая Люсю. – Сама-то, что, святая, что ли? Вон, любовника своего, вспомни, как задушила!

– Дерьмо он был, а не человек! Он получил по заслугам! – крикнула женщина. – Он хотел мою подругу изнасиловать, а я ее спасла!

– Ну да, конечно, «спасла», – ответила сильная. – Сначала напоила его вдрызг, а потом подушкой пьяного и задушила! Грудью навалилась! А че! Подушку зачем брала? Титьки маленькие? А удовольствие-то получила?!

Последние слова привели женщину в ярость.

– Убью! – заорала она, кинувшись на оппонентку и, схватив ее за волосы, стала таскать по вагону. На шум прибежали конвоиры с собаками. Растащили женщин.

– Что тут происходит? – резким командным голосом закричала конвоир. – Всем сидеть!

– Да мы и так сидим, начальник! – отозвалась одна из заключенных. – Семь годков уже как.

Легкий смешок пробежал по вагону.

– Еще одно нарушение порядка – и вернетесь назад! – сказала холодным голосом конвоир.

– Да все хорошо, начальник! – произнесла та же заключенная. – Больше не повторится! И они поехали дальше, уже не нарушая дисциплину.

Действие седьмое

Наконец поезд с заключенными прибыл на место назначения. По счастливой случайности Алексей проезжал на машине и оказался там же. Сидя за рулем, он наблюдал, как конвоиры с собаками сопровождали женщин в робах. Их высаживали из поезда и пересаживали в машины. Суровая и печальная картина. Алексей смотрел на них и думал: «Ну, что им не хватало в этой жизни? Живи себе спокойно, не нарушая закона. Впрочем, всякое могло произойти с ними в этой жизни. Кто знает, как они попали за решетку. А вот куда их теперь везут в таком количестве и что их ожидает? Позвонить, что ли, узнать?».

– Алло! Василий Александрович! Вы меня извините! Рядом с вокзалом оказался. Тут картина такая, – и Алексей объяснил, что он увидел.

– Честно говоря, я не в курсе этих событий. А ты-то тут при чем?

– Да не знаю. Я так, на всякий случай позвонил.

– Слушай, ты своим делом занимайся, – сказал Василий Александрович. Однако, подумав, добавил: – Вот что, Алексей, узнай обо всем и доложи.

– Понял, – ответил Алексей.

Выйдя из машины, он направился прямо к начальнику станции.

– Здравствуйте! – начал он. – Что у вас тут за событие? Что это за женщины?

– Не видите, это заключенные! Из мест заключения то бишь! – ответил начальник.

– Да вижу, что не с курорта, – ответил Алексей. – А чего это в таком большом количестве?

И куда их потом?

Начальник станции отмахнулся от вопроса.

– А вам-то, собственно, какое дело?

Вопрос был законный, и Алексею ничего не оставалось делать, как только предъявить удостоверение.

– Что ж, товарищ следователь, – произнес начальник станции, – я не знаю, зачем, я не знаю, куда, и не знаю, в какой, мне было просто дано указание встретить поезд дальнего следования, который прибывает из Сибири. И что этот поезд привезет заключенных женщин. А далее их повезут. Куда, не знаю.

Но Алексей понимал: начальник станции темнит. Он, конечно, знает не все, но что-то явно скрывает.

– Ну, договаривайте. Да не бойтесь вы. Лучше сказать сейчас, нежели потом.

Начальник, подумав, произнес:

– Я тут подошел к одному водителю. Такому разговорчивому. Ну, и тоже спросил об этом. Так вот, он ответил, что их в роддом везут. А в какой, не сказал. Говорит, что это секрет.

– В роддом? – переспросил Алексей. – Что ж, благодарю! – и спросил как бы у себя: «Они что, все беременные?». Алексей понял, что здесь что-то не то, и аккуратно поехал за машинами.

Действие восьмое

– А позвольте-ка спросить вас, доктор. Сколько, по-вашему, «курочка» может принести «яичек»?

– А сколько бы вы хотели? – доктор в белом халате с непослушными седыми волосами и большой плешью пил чай.

– Мы в секретной лаборатории, доктор, – произнес коллега. – Происходит последний совет ученых, перед тем как начать. Мы должны быть уверены. Поймите нас.

– Если есть вопрос о том, сколько «курочка» может принести «яичек», – начал доктор, – и я должен дать на него ответ, то, поверьте, он не такой важный. Главное – это время инкубирования программы, единого информационного ядра и наличие всех жизненно важных условий для развития эмбриона. Только в таком случае мы можем добиться успеха. Да и вообще, вы обращаетесь ко мне, это мне приятно, но что касается вживления эмбриона, то, позвольте, это не моя идея, а моего коллеги. Вот к нему и обращайтесь.

– Хорошо, доктор, – продолжал коллега. – А если произойдет сбой, ну, что-то пойдет не так, то как быть в этом случае?

– Вообще это исключено, – возразил доктор. – Во всяком случае, сырья у нас достаточно. А такой случай может быть единичным.

– Вы в этом уверены? – серьезно спросил коллега.

– Вполне! – ответил доктор, глядя на коллегу.

– Что ж, мне бы вашу уверенность, доктор, – ответил коллега.

– И вообще, – заметил доктор, – если мы чего-то боимся, то, может, вообще все это прекратим и ничего не будем делать?

– Нет! Конечно, нет, доктор! Программа запущена, мы все готовы! Так что, наверное, начинаем! – ответили коллеги, полные энтузиазма.

Действие девятое

Алексей долго ехал за машинами. Ехал осторожно, старался, чтобы не заметили. Дорогу выбрали, как нарочно, – ухабы да ямы. По обеим сторонам был лес. Глухое местечко. Всех женщин везли по этой дороге. Алексей понимал, что тут опять что-то не то. Что это за роддом, который находится так далеко? Правда, возможно, там деревня или поселок. Значит, везут в местный роддом. Но даже на карте этой дороги не было, тем более что выехали на нее как-то незаметно. И вот вдали появилось двухэтажное здание. Язык не поворачивался назвать это зданием. Просто длинный старый деревянный дом. Вокруг него такой же старый забор. Дом был выкрашен голубой краской. Алексей притормозил и начал наблюдать. Женщин действительно выгружали и тут же отправляли в дом. Потом наглухо закрыли дверь. Поставили охрану. Вытащив бинокль, Алексей стал всматриваться в окна и увидел людей в белом. Это был медперсонал.

– И все-таки роддом или попросту больница, – произнес вслух Алексей и тут же задал себе вопрос: «У них там на зоне, что, врачей нет? Чего их сюда-то привезли? Странно это!» Ему очень хотелось подъехать, поинтересоваться ситуацией, но какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что этого делать не следует, во всяком случае, пока. Алексей сел в машину и поехал обратно. Он чувал, что на волосок находится от разгадки какой-то тайны. Но понимал, что спешить нельзя, – всему свое время.

Действие десятое

Женщины, зайдя внутрь, оказались в убранном добротном помещении. Длинные коридоры. Женщины озирались по сторонам. Все было как полагается: чистота и порядок. Оказывается, дом только снаружи был таким обветшалым. Послышались шаги по лестнице, и к ним вышел врач в белом накрахмаленном халате. Белая шапочка прикрывала его черные, аккуратно приглаженные волосы. На носу поблескивали очки. Сам он был несколько выше среднего роста, лет тридцати пяти. Во всем его облике чувствовалась аккуратность.

– Так, милые! – он окинул взглядом прибывших женщин. – Вы знаете, на что согласились. Очевидно, он не ждал ответа на этот вопрос и не собирался с ними дискутировать.

– А теперь мыться и в столовую!

Их повели в баню, которая находилась на цокольном этаже. Уже в коридоре было не тепло, а жарко! Каково же тогда в самой бане? А уж в парилке и тем более!

– Так! – приказал конвоир резким командным голосом. – Здесь раздеваетесь! Все с себя снимаете и гольшом в баню!

– А может, вы отвернетесь, товарищ конвоир? – иронично спросила одна из женщин. – А то ведь и зайкой останетесь!

Женщины разразились смехом.

– Разговоры отставить! – рявкнул конвоир, сурово глядя на них.

– А то, может, спинку потрете? – и снова женский хохот.

– Ой! А у меня лифчик не расстегивается! Товарищ конвоир, помоги! – и снова хохот.

– Ай! Товарищ конвоир! Вы своими глазами во мне дырку просверлите. Да только не в том месте!

– Я сказал отстать! – заорал конвоир и на последнем слове «дал петуха». Женщины чуть не надорвались от смеха и гольшом побежали мыться.

Действие одиннадцатое

Странные чувства охватывали Алексея. Приехав домой, он улегся в постель, но никак не мог заснуть. Ему поручили дело, и, как оказалось, не такое просто. Почему именно ему пришло дело убитого грузчика? И зачем только он увязался за машинами, едущими в роддом? Как понимать свои собственные действия? На это он не мог найти ответа. Все казалось каким-то странным и загадочным. Однако, чтобы разобраться во всем, ему нужны были факты. А самый главный факт – это труп грузчика. Во что бы то ни стало надо было искать орудие убийства. Неужели это все-таки удар кулаком? Но тогда кто этот человек, нанесший такой удар? Это и надо было выяснить, а не гоняться за этими машинами. Но все-таки странно: столько женщин, больница. А может, действительно роддом? Неужели все беременные? Да такого не может быть. Там, на зоне? Нет! Тут что-то не то. Завтра идти к начальнику и доложить. А сейчас спать! И немедленно! Но как спать, когда дело стоит на месте? Ни шагу вперед не сделано. Что я завтра скажу? Ехал за машинами в роддом? Ну, и хорошо прогулялся?! Мне начальник скажет, что теперь ты знаешь, где роддом, так вот теперь дело мне рожай! А, чтоб все это! Все, спать! И Алексей закутался в одеяло с головой. На следующий день начальник терпеливо выслушал его приключения. В сводке о перемещениях беременных заключенных не сообщалось.

– Так, ну а как твое дело, «акушер-гинеколог»? Время идет, а следов нет. Когда что-нибудь прояснится? – Василий Александрович смотрел на Алексея.

– А мне что прикажете, Кинг-Конга искать? – негодовал Алексей.

– Если надо, значит, и его! Это как повезет! – сыронизировал начальник. – Мне, между прочим, тоже докладывать надо! Так что живее!

– Да не торопите вы меня! – ответил на это Алексей. – И так голова кругом.

Действие двенадцатое

Это была самая настоящая баня. Прекрасно отделанная доской «вагонкой». Чуть ли не три парилки, душ и даже бассейн. Женщины не могли во все это поверить. Роскошь и красивая жизнь началась! Здесь были и различные шампуни, мыла, маски для лица, в общем, все то, о чем могла бы мечтать женщина. Затаив дыхание, они смотрели на все это и боялись приступить к мытью. Конвоирами здесь были женщины.

– Ну! Что же вы? – сказала одна из них. – Приступайте! Смелее!

– Ааа можно? – робко спросила одна из заключенных, переминаясь с ноги на ногу.

– Да не просто можно, а нужно! – и конвоир подтолкнула ее самую первую к этой невероятной роскоши. Заключенная робко пошла под душ, открыла воду.

– Ой, девочки, – произнесла она, – какая красота. Идите скорее!

Все остальные тоже зашли и оказались как в раю! Наконец, все смелее и смелее, они начинали мыться. Их красивые тела млели в парах горячей воды. Затем их ждала парилка. Одна из женщин подошла к конвоирам и хотела спросить, но та ответила на ее вопрос громким восклицанием:

– Мойтесь сколько хотите! Время не ограничено! Сколько пожелает ваша душа!

Что тут началось! Вся суровость женщин прошла. Они сделались веселыми! Они шутили, играли! Одни лежали в парилке, другие плавали в бассейне. Третьи мазали себя всякими кремами. Сауна наполнилась ароматами! Через некоторое время одни просили других, причем именно просили, а не приказывали, натереть их благовониями. Да! Они попали в сказку! Вопрос был в другом: насколько она окажется долгой и какой у нее финал? Но обычно во всех сказках добро побеждает зло, в каком бы облиции оно ни предстало, даже в финале. Но женщины не думали об этом. Им было хорошо, и даже очень хорошо. А за «кулисами» в это самое время был другой разговор.

– Ну-с, как наши «курочки», все ли получили? Пока, я надеюсь, довольны? – спросил один.

– Да! – ответил другой. – Довольны, все идет по плану.

– Что ж, отличненько! – потер руки первый. – Продолжаем!

А женщины становились все красивее и сказочнее, как и сама сказка!

– Вот это жизнь! А прикинь! – подошла к Люсе Курносая, та самая, которая домогалась ее в вагоне. – Как я тебе теперь? А, Люська?! Нравлюсь?

Курносая действительно выглядела очаровательно. Это там, в вагоне, она шибко не смотрелась из-за телогрейки. А теперь прямо красавица. Курносая с легкой кокетливостью и страстью смотрела на Люсю, приняв при этом весьма соблазнительную позу. После «ухаживаний» в вагоне она не отменила своих намерений понравиться подруге.

– А меня, между прочим, не Люся зовут, – ответила «Люся».

Курносая очень удивилась такому откровению.

– Это как понимать? А как же твое имя? А как же так тебя все время называли?..

– Меня зовут Юля. А они все путали. А мне было все равно. Я не радела о том, правы они или нет. Да и оправдываться не мое дело, – ответила Юля.

– Вот те раз! – потянула подруга. – Значит, Юля! Красивое имя, как, собственно, и ты! – и подруга провела рукой по ее плечу.

– А вот те два! – с этим возгласом Юля вылила на нее из пузырька нежное содержимое с прекрасным ароматом. – Это же надо! Под телогрейкой скрывалось такое красивое тело!

– Значит, я тебе нравлюсь? – Курносая, не веря в свое счастье, влюбленными глазами смотрела на подругу.

– Да, – ответила та.

Далее они заключили друг друга в объятия.

– Оооо! Да у нас тут пары образуются! – воскликнули женщины.

– Пары под паром! – добавили другие.

А Юля и Курносая уже целовались. Конвоир, видя этот разврат, тихонько сообщила по рации об этом за «кулисы». Она была весьма строга и не привыкла такое наблюдать, но получила приказ не вмешиваться и не запрещать. Вмешаться только в случае, если будет наблюдаться угроза жизни. Конвоир, тяжело вздохнув, ответила:

– Слушаюсь!

И продолжала с омерзением наблюдать лесбийскую сцену. Ей нельзя было не смотреть на то, что делается. Хочешь не хочешь – наблюдай. И она несла службу. Впрочем, она потом привыкла, потому как за этой парой потянулись и другие. В раздевалке вместо зековских роб женщин теперь ожидало цивильное чистое белье и халаты. А дальше – столовая. Глаза у них загорелись при виде тех яств, которыми их собирались кормить! Только посуда как из зоны – алюминиевая. Но на это даже и внимание не обратили. Фрукты, мясо, птица, вина!

– Да за такой куш! Девочки! Жизнь началась! – проговорила подруга Юлии, продолжая обнимать ее за талию.

Действие тринадцатое

Кто не ведал в своей жизни голода, тот никогда не поймет тех, кто его испытывал. После тюремных баланд – да вот такие харчи! После сказочной сауны они оказались в не менее сказочной столовой. Конечно, ни фарфора, ни стекла не было. Алюминиевые тарелки, алюминиевые ложки, вина в пластиковых бутылках. Железные кружки. Зато сколько разнообразной еды! Женщины расселись за столы и приступили к... «Приступить к приему пищи!» – эта команда знакома тем, кто служил в Советской Армии! Приступить к приему! Но нет! Только не здесь! Люди вообще-то не принимают пищу, они кушают! В противном случае просто жрут! Но в Советской Армии не пожрешь, там принимаешь! И так женщины приступили к еде и питью? Нет! Только не здесь! Здесь они приступили к празднику! Празднику, которого ждали! Они все потянулись за кружками и налили вино!

– За хорошую жизнь, девочки! – грянул тост на все столы. Далее закуска! Есть вволю! Пить и веселиться! Вот о чем они мечтали! Они даже забыли, что заключенные! Это был праздник, когда все невзгоды забываются. Им было хорошо! Женщины пьянели и не замечали, как за ними наблюдали медсестры и как одна медсестра другой проговорила несколько иронично:

– Этак разоримся!

И как другая ей ответила:

– Не твои же деньги, чего жалеть-то? Говорят, что дело того стоит, все окупится сполна да еще останется!

Действие четырнадцатое

После обильнейшей еды женщины отдыхали! Условия люкс! Кто спал, кто просто лежал, кто смотрел телевизор с исключительно успокаивающими фильмами или комедиями.

– Как ты, Юля? – спросила подруга, лежа вместе с ней в постели.

– Да ничего, – ответила Юля. – Только вот пьяная.

– Так это же клево, Юлька! Ой, как хорошо мне с тобой. Кстати, меня Дашей зовут. Ты очень красивая. Ты мне нравишься. А я, между прочим, очень верная. Вот так и заживем с тобой, правда?

Юля, саркастически улыбаясь, взглянула на Дашу и, вздохнув, произнесла:

– Ну да.

Так прошло три дня. Женщинам не запрещалось ничего. Интимная близость стала среди них нормой. После такого отдыха многие начинали скучать по физической работе, некоторые жаловались, что у них «крыша аж едет». И вот в один из моментов их позвали на «процедуры». Их вызывали по очереди. Перед женщиной открывалась дверь кабинета, и она оказывалась буквально в фантастической лаборатории. Женщину сажали в гинекологическое кресло и вводили имплантат в матку. Женщину окружало целое «море» датчиков и всевозможных приборов. Очередная женщина спросила после того, как ей был введен эмбрион:

– А если после родов во мне проснется материнский инстинкт?

На что ей ответили:

– Поверьте, что он очень скоро заглохнет!

Очередь дошла до Юлии. Подруга обняла ее, сказав:

– Юлька! Запомни! Ты моя! Я тебя люблю. Возвращайся быстрее.

Юля вошла в процедурный кабинет, где ее усадили в кресло и раздвинули ноги. Работал средних лет мужчина с густыми черными волосами, зачесанными назад. Юле запомнился его почти немигающий взгляд. Лицо было суровым и самоуверенным. Работал быстро и четко. Юля даже ойкнуть не успела, как он ввел ей оплодотворенную яйцеклетку. Далее последовали какие-то излучения, заработали приборы. Прошло всего около получаса, когда процедура завершилась.

Действие пятнадцатое

После имплантации у Юлии уже на следующий день начался непрекращающийся жор. Да и все остальные ели особые, специальные блюда. Но уже на третий день к врачу прибежала перепуганная насмерть женщина и кричала, что она уже сильно чувствует плод в животе, а такого не может быть! Ее «успокоили» сказав, что она уже через месяц после оплодотворения родит, а далее – снова зачатие и снова роды, и так до полного истощения носителя. Женщина была страшно напугана таким поворотом событий. Она первая поняла, что попала теперь уже далеко не в сказку, а во что-то ужасное! Она стала кричать и требовать, чтобы ее выпустили из этого заведения. Потом без сил упала в ноги доктору и умоляла его отпустить ее. Она уверяла его, что очень боится и что у нее нет больше сил. Это был тот врач, оперировавший Юлию. И вдруг он заорал на нее:

– Боитесь?! Страшно! А жить хорошо не страшно?! А вы думали, на что подписывались? На курорт! Да у вас убийства за плечами! Вы пожизненные! Так что для вас это лучший уход из жизни! Жрать и рожать! А вот кого вы рожаете, это наше дело!

Юля слышала это и не только. Под сердцем у нее уже всю билаась новая жизнь. Она всем своим материнским чутьем чувствовала маленькое сердечко, бьющееся под ее сердцем: «Как это – его отнимут у нее? – эта чудовищная мысль не давала ей покоя. – Куда денут ее ребенка, которого она уже так любит?! Ее первенца». Даша тяжело дышала, она тоже впервые носила под сердцем.

– Даша, что будет с нашими детьми? – однажды, не выдержав, спросила она.

– Это дети не ваши, а наши! – резко ответила ей проходившая медсестра.

Юлию бросило в пот. Она положила руки на живот и погладила его. Малыш ответил. «Его надо спасти, – мелькнуло у нее в голове. – Но как?» Она не знала.

Действие шестнадцатое

И вот начались роды. Первые родовые крики женщин наполнили помещение. Родивших вывозили из родильной палаты и через день после родов вновь внедряли имплантат. Новорожденных детей они не видели. Их, только что родившихся, немедленно увозили в совсем другую палату, подальше от матерей. Они росли не по дням, а по часам. Непредвиденная суматоха поднялась в роддоме. Плешивый, небольшого роста доктор кричал, что могут провалить все дело. Его грубо обрывал другой, тот, который как раз работал с Юлией. Буквально на следующий день многим женщинам вообще стало плохо, вплоть аж до того, что они уже умирали. И тот черноволосый доктор бегал со шприцом, вводил им лекарство. Даша еще не родила, но уже лежала без сознания. Доктор ввел ей лекарство. Мало-помалу она стала приходить в себя. Но вот взгляд у нее стал какой-то особый, немного странный. Она постоянно оглядывалась по сторонам, как будто то что-то искала и не могла найти. Юля подошла к ней.

– Даша, что с тобой? – спросила она.

– А! Что? – Даша резко оглянулась, увидев Юлю, заерзала на кровати.

– Да что с тобой, Даша? – не на шутку испугалась Юля.

– Мне в уборную, – сказала Даша.

– Да ты уж меня напугала, – улыбнулась Юля. – Пойдем свожу.

И она повела ее в туалет. Однако у Даши были странные испуганные глаза. Когда они дошли до туалета, вдруг Дашу стало не просто рвать, а выворачивать.

– Ох, Даша! Какой у тебя токсикоз! – Юля держала Дашу и с сочувствием смотрела на нее.

– Это не токсикоз, – вдруг еле проговорила Даша. – Я не знаю, что это! Мне страшно, Юлька!

И Даша уткнулась подруге в грудь.

– Да полно тебе, дуреха, – прижав к себе подругу, сказала Юля. – Простой рвоты испугалась.

Вдруг Дашу вывернуло опять.

– Это не просто рвота, – еле выговорила она и обернулась к Юле.

По подбородку у нее текла кровь. Юля оторопела.

– Дашка! Дашенька! Что с тобой? – Юля попяtilась.

– Что-то пошло не так, – в глазах Даши был страх. – Я не хочу туда.

– Даша, тебе помогут! – Юля хотела взять ее за руку.

– Нет! – закричала Даша. – Я не пойду туда. Что-то пошло не так.

И Даша пошла, шатаясь, по темному коридору в какой-то закоулок. Юля оставила ее. Страх теперь был и в ее глазах. Что не то? Этот вопрос Даши теперь звучал и в ее голове. Она дошла до койки. О Даше даже никто и не вспомнил. Дело дошло теперь до Юлии. С большим животом ее хотели повезти уже в родильное отделение, как вдруг ей стало плохо, да настолько, что прекратилось дыхание. «Срочно доктора! – закричали сестры. – Роженица умирает!» Прибежал взмыленный доктор и со словами: «Ничего! Она еще нам послужит!», – ввел через шприц какое-то лекарство. Ее решено было пока оставить. Кинулись к другим изнемогшим от родов и умирающим от этого. Юля очнулась. Прежде всего – живот! Он был большим. Бежать! Но как? Она видела сумятицу и поняла. Или сейчас, или никогда! Она встала с кровати. Даши не было. Юля вспомнила, как ей было плохо, и поняла, что, возможно, она умерла. Она незаметно вышла из палаты и прошла в коридор. Ее никто не заметил, а очередная жертва упала от обморока уже на ее постель. Это было на руку Юлии. Она вышла и пошла по коридору. Он был темен. Вдруг она как бы услышала чей-то усталый голос, который звал ее:

– Юля!

Юля оглянулась. Никого. Опять слышит: «Юля!», – уже настойчивее. Она пошла на голос и замерла. В углу на полу лежала Даша.

– Даша? – произнесла Юлия и шагнула к ней. Да, это была Даша.

– Ты как здесь оказалась? – со страхом в голосе спросила Юлия, смотря на лежащую под большой лавкой подругу.

– Мне страшно, Юлия, – ответила Даша. – Убей меня. Перед тем как сбежать. Что-то пошло не так, – сказав, протянула ей нож.

– Что ты! Что ты, Даша! Бежим вместе! – Юлия хотела взять ее, но Даша резко отдернулась от нее.

– Мне нельзя, – сказала она. – Что-то пошло не так.

– Да что с тобой, что не так? – чуть не плача, воскликнула Юлия и рванула ее за рукав. Далее глаза Юлии округлились от ужаса – из живота подруги торчала голова младенца. Глаза его были уже осмысленны, и он медленно пожирал свою мать. Юлия чуть не заорала. Даша умоляюще смотрела на нее.

– Еле нож украла, – простонала она, вторично протягивая его Юлии.

Обливаясь слезами, Юлия занесла нож над головой Даша. Младенец угрожающе зарычал.

– Ах ты! – произнесла Юлия, глядя на маленького вурдалака, и добавив: «Прости Даша!» – она с протягом полоснула ножом по шее подруги.

Даша широко открыла глаза и замерла. Она отмучалась. Кровь залила пол. Вторым ударом ножа Юлия отсекла голову упырю. Отбросив нож, Юлия попятилась назад и провалилась в подвал, как будто его кто-то нарочно открыл. Нетрудно было догадаться, что это обреченная на смерть Даша нашла и открыла его. «Хоть не сама, так Юльку спасу», – думала она тогда, когда тварь пожирала ее изнутри. Юлия, к счастью, упала очень удачно. Она, держа живот, судорожно стала искать выход. По ходу, ей попала большая труба, что-то вроде коллектора. Юлия поползла по нему и наконец выбралась на свободу. Был уже вечер. А в роддоме продолжались роды. Младенцы! Это сейчас, а вот через месяц ему будет как тридцать лет! Крепкий или крепкая, в расцвете сил особи мужского или женского пола. Разнообразие не повредит. Они растут. В один прекрасный момент завершится процесс инкубирования программы. Единое информационное ядро вступит в свои полномочия!

Действие семнадцатое

Алексею не давал покоя этот случай с заключенными женщинами. Ему удалось лишь увидеть этот родильный дом, куда их привезли, но от этого ситуация не прояснялась. И, как назло, дело об убитом грузчике не двигалось с места. Одни домыслы, никаких фактов. Но чувствовал он, что есть что-то общее в этих событиях. Он снова и снова то перебирал фотографии, то вспоминал каждый эпизод поездки. Дорога! Почему именно такая? Сплошные колдобины! Почему? Лес кругом. Что там делают с заключенными? Роддом. Мысли унесли его далеко, в собственное детство, когда они строили планеры, и как они летали. Как, устроившись на завод, он присутствовал на испытаниях двигателей. Как заводился двигатель. Как ученые-конструкторы получали с него данные. Так сидел он и вспоминал свое прошлое. Хорошее оно было. Потом пришел работать в полицию. «Да! – подумал он. – Был бы ученым, сколько полезного смог бы сделать, а тут копайся вон! Испытывал бы сейчас двигате...» – вдруг его осенило. Он еще раз посмотрел на фотографии. Убитый бомж, у него и брать нечего. Никто и ничего тут не делил. Удар нанесен кулаком. Да такой, что вряд ли кто его сможет нанести. А что если это было испытание? Взял и убил бомжа! Определил, стало быть, может или нет! Значит, мастер! Спортсмен! Разумеется, бывший! Но кто? Где его искать? И вот главное: то ли силу измерял, то ли... Нет, здесь в другом дело! Для того чтобы силу измерить, человека убивать не надо. Нет, тут что-то не то! Снова загадка! А если новая методика, еще никому не известная? Так! Но бывший спортсмен в таком случае убивать не станет, зачем ему это? Пришел в спортзал – и работай, да еще похвались! Нет, это не спортсмен, а некто неизвестный, и которого надо найти.

Действие восемнадцатое

Вечер. Ничего не подозревая, по дороге как раз мимо этого роддома проезжал случайный водитель. Вдруг прямо под колеса его машины буквально выползла женщина в больничной одежде с протянутой к нему рукой.

– Аааа! Остановитесь, – простонала она.

Водитель резко затормозил. В голове мелькнула только одна мысль: любой ценой остановить машину.

– А, чтоб тебя! Куда же ты лезешь! Дура! Прямо под колеса!

Раздался резкий скрип тормозов, который спас ее от верной гибели.

– Ты что? С ума сошла?! – водитель, негодуя, подбежал к ней. – Цела?!

Но в этот момент он вдруг увидел, что она беременна и настолько плоха, что если и не погибла под колесами, то все равно вот-вот скончается. Молодая беременная женщина на пороге смерти. Водитель был в шоке.

– Да что с тобой делать-то? – произнес он, подхватив женщину. – Так, чего делать-то? Да ведь она вот-вот помрет! А как же дите? Да что делать-то?! – но он растерялся еще больше, когда понял, что схватки уже начались. Его аж в пот ударило.

– Помогите, – вдруг произнесла женщина угасающим голосом.

Тут водителя осенило! Та ведь здесь вроде как больница! Если только он ничего не путает. Но в любом случае есть люди, они помогут. Бедная женщина! Ну, конечно! Не дошла до больницы, где могут принять роды! Одна! Сама! Почти ночью! Наверное, и мужа-то нет. Вот так зачала от кого-то, а он даже и не знает, небось, что вот-вот отцом станет. Ох! Только бы дожила!

– Какой я болван! Ничего! Я сейчас позову на помощь! Я помогу вам добраться до вот этой больницы. Здесь помогут! – и он готов был уже бежать в «больницу», звать на помощь, как в последний момент женщине удалось ухватить его за брючину.

– Нет! – с надрывом в голосе умоляла она его. – Туда нельзя! Там... – она не договорила. Уста перестали шевелиться. Дыхание ее прекратилось и, откинув назад голову, она замерла. Недвижный взгляд ее устремился в ночное небо, но в глазах ее уже не было жизни. Она умерла. Казалось, все кончено, как в это самое время появилась головка младенца. Маленький комочек покинул утробу мертвой матери и оказался на руках водителя. Не может быть! Чтобы умершая родила?! Может, последние спазмы мышц, судороги привели к акту рождения? Может быть! Водитель начал действовать уже на инстинкте. А что делать? Срочно перерезать пуповину: как бы ребенок не задохнулся! Хотя если ребенок уже вышел из утробы, то вдох через легкие он сделает в любом случае. После того как он перерезал пуповину, ребенок закричал. На свет, вернее, уже довольно поздним вечером, родилась девочка. И завернуть-то ребенка не во что. Срочно в больницу! Но предсмертное предупреждение матери как молния настигла его:

– Туда нельзя!

Хорошо, а что делать в таком случае? В полицию! Водитель аккуратно взял девочку и уложил на сиденье, туда же, на пол машины, положил труп матери и немедленно уехал.

Действие девятнадцатое

Ехали долго. Ухабистая дорога скорости не добавляла. А до отделения далеко. А тут вскоре еще одна новость – на исходе бензин.

– Тьфу ты, – плюнул водитель. – До полиции не дотянуть. Вынужденный заезд по дороге домой сделать придется. Ты уже потерпи, маленькая. Канистры с бензином наготове. Наполним бак доверху! Вот тогда и поедем!

Подъехав к дому, он быстро налил бензина в бак, залез в кабину и уже было поехал, но вспомнил, что новорожденная девочка совсем голенькая.

– Какой же я растяпа! Ты уже извиняй, мадам, но я тебя заверну во что-нибудь. Пойдем-ка, милая, в дом! Хоть ты и маленькая, а все-таки дама!

Хоть во что-то завернуть новорожденную. Он аккуратно вынул девочку из машины и тут почувствовал, что она вроде как потяжелела. Странное ощущение пробежало у него по телу. Он взглянул на мертвую мать. Ее открытые глаза смотрели на него. Даже мертвая, она как будто с ним общалась, хотела ему что-то сказать, или, может, что-то говорила ему мертвыми устами. Остекленевшие глаза смотрели на него в упор. Внутри водителя пробежал легкий холодок. «Что она не успела мне сказать? – подумал он. – Какую тайну унесла с собой в могилу? Что хотела сказать после своей смерти?» Он почувствовал, как весь покрылся «гусиной кожей», да и новорожденная выглядела, мягко говоря, странно – уже и глазенки вовсю тарасила.

Действие двадцатое

– Уйди, страх мистики, прочь! – сам себе говорил водитель, пеленая девочку. – Вот так, моя умничка, все будет хорошо!

В доме тепло. Вдруг она потянула ручонки и заплакала. Догадаться нетрудно – девочка голодна. Водитель поразился тем, как целенаправленно она тянула руки! И это только что родившаяся! Вслед за этой мыслью последовала другая: «Она голодна, а мать мертва! Что делать?». Конечно, нужно молоко. Скотину он не держал. Но молоко было. Открыв холодильник, вытащив банку, он налил его в бутылку. А соску где взять? Как будто их целая гора у него в гараже. Девочка плакала все громче. Водитель судорожно пытался найти выход из положения. И вдруг хлопнул себя по лбу!

– Во дурак! К соседке! У нее же дети! – воскликнул он и хотел было уже брать девочку на руки и бежать с ней к соседке, как вдруг ум помутился у него от ужаса! Чудится ему, как будто скрипнула входная дверь и на пороге в зловещей ночной мгле появилась мертвая мать. Белым призраком без единого шороха как будто проплыла она по комнате, не видя ничего, прямо к своей дочке. Взяв ее на руки, приложила к мертвой груди. Истошно закричав, водитель кинулся прочь из дома! Оказавшись во дворе, окунул голову в бочку с холодной водой. «Что это было? Что за гоголевские эпизоды наяву? Тут что-то не то!» – мелькало у него в голове. Поборов в себе страх, он двинулся к машине. В современный век цифры ходячие мертвецы – как-то несерьезно. Однако в машине тела не оказалось. «Что за бредятина? Что происходит?» – он пошел к дому и аккуратно приоткрыл дверь.

Действие двадцать первое

– Рудольф, вы слишком много вводите эндоферина!

– Я занимаюсь своим делом, доктор! – огрызнулся Рудольф. – Не вам меня учить!

Очередная доза пошла в организм измотанной постоянными родами женщины. Работал целый конвейер. Доктор сравнил его с птицефермой.

– Готова к процедуре! Начинайте! – скомандовал Рудольф. Люди в белых халатах засуетились. Вскоре женщина уже лежала в гинекологическом кресле с раздвинутыми ногами. Жалкое она являла зрелище. Как будто в последний раз она посмотрела на доктора уже ничего не понимающим взглядом. Да о каком вообще взгляде могла тут идти речь? Глаза, проваленные в бездонные синие лунки черепа, смотрели уже безжизненно. Доктор, ассистировавший Рудольфу, отвернулся. Он даже представить себе не мог, что его изобретение отправит вот на такие пытки десятки женщин, пусть даже осужденных.

– Трупы немедленно утилизировать – сжечь! – приказал Рудольф, показывая на тела умерших.

– К чему такая спешка? – попытался возразить доктор. – Похороним их как полагается, они и так намучились, чтобы их тела еще и сжигать.

– Я же сказал сжечь! Немедленно! – Рудольф сурово посмотрел на доктора. – Мои приказы не обсуждают!

У доктора был печальный взгляд.

– У вас есть хоть грамм гуманности, Рудольф? Я печалюсь за вас, вы слишком жестоки. Эти жен... – Рудольф не дал ему договорить:

– Слушайте, док! Печальтесь где-нибудь там!!! – рявкнул он, показывая пальцем на входную дверь. – Для вас если это жестокость, то для меня это развлечение с трупами займет слишком много времени! Я не желаю вылавливать их по всему городу!

– Что значит «вылавливать», не понимаю! Объясните наконец, Рудольф! Что это значит?! – доктор непонимающе взглянул на Рудольфа.

– Ну, хватит! Довольно! – Рудольф смотрел на доктора. – Не будьте наивным! Вы знаете, с ЧЕМ мы тут имеем дело!

Но доктор схватил его за «грудки».

– Рудольф! Опомнитесь! Скажите мне наконец!

– Вместе с эндоферином я ввожу силиктолиновую соль, – процедил Рудольф.

Доктору вторично стало не по себе. «Да неужели получилось? – мелькнуло у него в голове. – А я и не знал, но ведь это чудовищно!» Рудольф молчал. Он понимал чувства доктора. Ведь все начиналось давным-давно – изобретение препарата, поддерживающего жизнедеятельность клеток организма уже после смерти мозга.

Действие двадцать второе

Семену Скоробогатову, сколько он себя помнил, ни при каких обстоятельствах не удалось разбогатеть. Простой шоферюга, работающий день и ночь. Бедным он тоже не был. Среднее образование, автошкола и наконец профессия. Шум мотора, запах масла и бензина и дорога, дорога, дорога. Все равно, какая: летняя, осенняя, зимняя, весенняя. Главное, не сонная! Выпить он мог, но всегда знал меру, ну, скажем, два стакана, не закусывая, а третий занюхать рукавом. Конечно, шутка! Он вообще не пил. Не потому что не хотел, а попросту нравилась ему эта работа, и разменивать ее на водку он считал глупостью. Какие только пейзажи ни открывает дорога: то ровное шоссе, то одни колдобины да ухабы, то шум города, то деревенская тишь – романтика. Крепкие нервы Семена, выдрессированные постоянной ездой, казалось, никогда не дадут сбой. Но не в эту ночь, когда он столкнулся с НЕЧТО! Не помня себя от ужаса, он вошел в комнату. Трудно себе представить, как бы повел себя человек, находясь на месте закаленного и овеванного ветрами шофера. Прижимаясь спиной к стене, затаив дыхание, он медленно начал обходить объект наблюдения со стороны. Сердце бешено билось, крупные капли холодного пота выступили по всему телу. Он чуть не упал в обморок, когда увидел глаза умершей: стеклянные, недвижимые, уставившиеся в одну точку. Семен взял себя в руки.

Девочка лежала под грудью покойницы и, как будто так и должно быть, преспокойно питалась ее молоком. Семен, видя, что объект ничуть не обращает на него внимания, пересилил себя и решил подойти и дотронуться до нее. Да! Тело ее было холодное, глаза остекленели. Семен отер пот с лица и попытался отнять девочку от груди. Однако та недовольно «мякнула». Она еще не насытилась. Семен отошел подальше и стал наблюдать столь невероятное зрелище. Он не верил себе, что видит это. А девочка питалась и питалась молоком. Затем с причмоком отпустила грудь и, развернувшись сама на руках матери, припала к другой груди! Семен почувствовал прилив тошноты, в отличие от девочки, которая всю питалась молоком! И как мертвая грудь дает ей молоко? У Семена свело скулы. Как долго это продолжалось, сказать трудно, однако маленький ротик наконец отпустил сосок. Девочка заснула. Она была сыта. Семен не знал, что делать. Наконец, переборов в себе страх и отвращение, он подошел к покойнице и аккуратно взял девочку. Отнес ее подальше от мертвой матери и уложил спать, укрыв одеялом. Вернувшись к покойнице, присел на корточки и начал ее разглядывать. Ну, человек, ну, мертвый, ну, бывают судороги, но так чтобы ходил да еще и кормил, – это уж слишком. Вдруг его поразила мысль: почему она шла так целенаправленно именно к дочери, именно тогда, когда она захотела есть? Случайность? Не похоже. Он решил слегка качнуть труп рукой, тот повалился как подкошенный на пол. Семен даже отпрыгнул назад. Вдруг он понял, вернее, страшная догадка блеснула молнией в его голове. Семен, присев на корточки, закрыл лицо руками: «Ой, как стыдно!» Он понял, что видит далеко не выходца с «Того Света», а результат какого-то чудовищного биологического эксперимента. Тело покойницы было холодным, но не ледяным. Оно было мягким и не околевало. «Тааак! – подумал Семен. – Вот те и «кормилица!» Семен решил дожидаться утра. Один на один с трупом! А что делать? Бежать к соседке? А может, лучше не стоит этого делать? Может, все оставить так, как есть? И Семен стал ждать. Сон его не брал. Было не до него. Однако усталость он чувствовал сильно. И так Семен ждал, но дождался лишь плача ребенка и грязных тряпок-пеленок. Он вымыл девочку и, положив ее в постель, постирал пеленки. Затем уселся в дальнем углу комнаты. Очнулся он от плача девочки. Была середина ночи, когда девочка вновь захотела есть. Он подошел к ней, взял на руки и стал баюкать: «Баю-бай!», – баюкал ее. Девочка не унималась. «Да она опять есть хочет!» – мелькнуло у него в голове. Это он, взрослый, спит всю ночь, а она-то нет! И он боязливо начал оглядываться. В это время что-то холодное коснулось его руки. Он оглянулся и замер от ужаса. «Воскресшая» мать аккуратно брала из его рук дочь. Он уловил, что трупного

запаха не было. Так, может, она вовсе не мертва, а в каком-то странном, не известном науке состоянии? Он отдал девочку. Мать приняла на руки дочь и снова приложила ее к груди. Так, стоя перед Семеном с немигающим взглядом, она кормила дочь. Семен обошел ее и, принеся табурет, поставил его позади кормящей. Затем аккуратно, взяв ее за плечи, медленно усадил. Отойдя в сторону, он опустился на кровать. Он ждал, когда наестся ребенок. Через некоторое время малышка оторвалась от груди. Семен вновь взял девочку на руки. Она крепко спала. И вот тут он увидел, что она выросла.

– Так вот в чем тут дело! – прошептал он. – Что же это такое делается?

Он положил девочку и подошел к матери. Та продолжала сидеть, не меняя позы. Стоило дотронуться до нее, как она могла упасть. «Значит, она «воскресает» перед каждым кормлением! – мелькнуло у него в голове. – Нет! Это пока еще не смерть! Это что-то еще! Это похоже, даже очень похоже, на смерть, но не смерть. Так вот какие дела делаются в этом, с позволения сказать, «роддоме». Не зря она меня так предупреждала. Эксперименты особой важности. Над людьми! Значит, не мертва. Значит, неведомое состояние! Значит, все хорошо», – так он, успокаивая сам себя, не заметил, как вновь подошло время кормления. Теперь Семен не стал утруждать мамашу и сам принес ей малышку, перед тем успев ее помыть.

– Натэ, мамаша, кормите, скока душе вашей угодно!

Так прошло некоторое время. Семена настораживало только одно обстоятельство: кормилица не питалась сама. Вопрос напрашивался сам: «Откуда у нее берется молоко?». Однажды он подставил палец под сосок и почувствовал, что молоко теплое. Однако Семен замечал, что она не просто худеет, а истощается. А дочь росла. Причем рост происходил скачками. Вроде ничего-ничего – и вдруг на целый сантиметр прибавляла. Вот и настало время, когда она отошла от маминой груди. Теперь она, спокойно сидя за столом, ела кашу, озорно поглядывая на «папу». И как-то раз, вот так же сидя за столом и ужиная, Семен почувствовал легкий трупный запах. Он встал из-за стола и подошел к лежащей матери. Она лежала в кровати с как всегда открытыми глазами. Вдруг он почувствовал, что не хочет расставаться с этой женщиной, которая его когда-то так напугала. Он почувствовал, что привык к ней, а когда это понял, то с горечью произнес:

– Ну, вот и все. Ты сделала то, что надо было сделать. Теперь твоя дочь не умрет от голода. Не бойся, я позабочусь о ней. А ты спи спокойно. Прости.

Он не испугался, а горько улыбнувшись, даже обронил слезу, увидев, что после его обещания мать, как в знак согласия, мирно закрыла глаза.

Действие двадцать третье

Была звездная ночь, когда Семену пришлось хоронить труп умершей. Время было выбрано в самый раз, как раз для ходячих мертвецов. Тьма есть тьма, хоть и звездная. То и дело пролетали нетопыри, а иногда и птица ночная подавала возглас. Он прекрасно понимал, что полиция ее не хватится. Еще он понимал, что ей удалось как-то сбежать из лабораторных палат и что она была под каким-то опытом. И беременность ее странная. Но это уже было позади. Семен решил схоронить ее поблизости. Как он к ней ни был привязан, особенно последнее время, а жутковато все равно было. Нервы есть нервы, да и, как говорится, «у страха глаза велики!». Хотя это для обычных людей, у которых нервишки порою никуда. Семен протащил умершую женщину через весь сад. И вот несколько вдали от дома, у кустов, он и решил ее похоронить. Вернее, и хоронить-то было нечего, настолько исхудавшая она была, одни кости. Ночью, пока никто не видит, он рыл могилу и вспоминал, как впервые ее встретил, как перепугала она его. Рыл молча, как говорится, брал каждый слой земли на штык лопаты. Время шло, а он рыл могилу. Умершая лежала, завернутая в простыню. Холодным светом светил месяц. Наконец полутораметровая могила была готова. Семен еще раз попрощался с умершей и аккуратно опустил ее в могилу. Затем, быстро забросав землей, притоптал так, чтобы не было заметно. А сверху положил дерн.

– Ну, вот и все! – сказал он, утирая пот. – Теперь домой, душ и спать!

Выйдя из душа, он еще проверил спящую девочку. Она сладко спала в кровати. Семен выпил стакан водки, чего раньше никогда не делал, и рухнул в постель.

Действие двадцать четвертое

Ричард Сноп валился с ног от усталости. Этот молодой брюнет с небольшими усиками степень доктора наук получил недавно, а уже посыпались заказы. А когда своим делом заниматься, но у фантастических идей как всегда строгий лимит, только тот мозг, который их выдумал, и ни капли больше. Вот уже несколько лет он вынашивает формулу препарата, способного реанимировать мертвую ткань. Хоть на час, хоть на минуту. Наука ведь не стоит на месте. Она движется, стонет, порой замирает в ожидании чего-то и снова идет. Осенило Ричарда ранним утром, когда все грезы улеглись спать и ночные призраки тоже растворились при виде солнечных лучей. Ричард подошел к микроскопу, посмотрел в него, затем убежал в лабораторию с реактивами. Его долго не было, но, вернувшись назад с какой-то колбой в руках, капнул вещество под микроскоп. То, что случилось потом, было как во сне. Бледный от усталости, но добившийся своего, Ричард опустил в кресло. Препарат сработал. Конечно, до полной победы было еще очень далеко, но первый шаг есть. Ричард только хотел выпить виски, как в дверь прихожей позвонили. Ричард поспешил открыть – на пороге стоял Рудольф Ронэр, ученый, доктор. Черные волосы его всегда были зачесаны назад. Черные баки аккуратно приложены на лице. Черные усы делали его хмурый взгляд выразительнее. Брови всегда сдвинуты. Все его выражение лица всегда выражало какое-то недовольство. Характер у него был отвратительный.

– Привет, старина! – произнес Ричард.

– Здравствуй, – сухо вато произнес Рудольф. – Как ты тут? Все еще сходишь с ума по своему препарату?

– Наверное, также как и ты, когда в свое время ходил с ума по Элен. Кстати, как она сейчас, счастлива с тобой? Ведь ты был очень смел, когда увел ее от меня. Я не сожалею, мне ее жаль, – сказал Ричард.

– Прежде себя пожалей, а она ничего, деньги делают чудеса. А ты знаешь мои скромные запросы – кусок хлеба, стакан вис...

– Вот только не ерничай, не надо ерничать, Рудольф! Вино, зрелища и деньги – вот что тебе нужно, никакой жалости к человеку, а уж на его личность – так тебе вообще наплевать! Так, как знаю тебя я, тебя никто больше не знает. Наука для тебя – это только добыча денег, и более ничего! Этим ты Элен и сманил, а она, глупышка, поверила, что там, где деньги, там и земное счастье. Впрочем, если твой идеал в науке – деньги, то могу сообщить! – сердце Ричарда сильно забило от волнения. – Я скоро разбогатею тебе назло, и это будут честно заработанные деньги!

Рудольф напрягся, вперил свои глаза в Ричарда: «Не может быть, – подумал он. – Неужели он нашел?!» Рудольф хорошо знал Ричарда, он не мог врать даже в отместку, значит, он получил препарат, получил искомое! Эта новость грозила полной катастрофой Рудольфу, ибо Ричард станет теперь первым. Все монополии перейдут к нему. Что делать? Как быть? Оказаться в подмастерьях у этого сопляка, да что он о себе возомнил?!

– Что ты так напрягся, хочешь виски? – произнес Ричард.

– Иди к бесу со своими висками! – рявкнул Рудольф. – Ты получил препарат?! Не верю, покажи, покажи мне его, покажи, как он работает!

– Нет ничего проще, смотри, – и Ричард протянул Рудольфу колбу с белым порошком внутри. Ричард с ухмылкой взял порошок кончиком шпателя, растворил его в растворе Рингера и капнул на предметное стекло, где только что в капле с речной водой загибалась местная флора и фауна. Театральным жестом Ричард пригласил Рудольфа за микроскоп. Не чувствуя под собой ног, Рудольф плюхнулся в кресло. Инфузории оживали на глазах и, словно в насмешку над скептицизмом Рудольфа, помахивали ресничками. Еще пять минут – и они

дружно приступили к делению. Трудно описываемая ситуация – оказаться первым и единственным свидетелем мирового открытия! Потрясенный до глубины души, Рудольф не знал, что делать. Тем временем Ричард, только что валившийся с ног от усталости, спокойно расхаживал по комнате, потягивая виски из бокала. Рудольф был сражен, сражен открытием Ричарда.

– Что ты намерен теперь делать? – угрюмо спросил Рудольф.

– Этот вопрос лучше задай себе, что ты теперь делать будешь, а я уж как-нибудь о себе позабочусь, – ответил Ричард.

Рудольф был не в силах более оставаться у Ричарда и вышел из комнаты. Он шел по тротуару, не видя перед собой ничего. Что делать? Этот вопрос постоянно звучал у него в голове. Ухмылка Ричарда стояла перед глазами. Неизвестно, как он дошел до дома, лег в постель и попытался уснуть. Не тут-то было. Вдруг дверь открылась и вошла Элен. Красивая, стройная, в ночной рубашке.

– Что случилось, милый? Ты не в себе, тебе больно? – ласково обняла его Элен. Рудольф резко поднялся с постели. Ночная рубашка, которой прикрывалась Элен, от этого распахнулась, обнажив ее красивую грудь.

– Послушай, – процедил Рудольф. – Нам на время необходимо расстаться. Я же сказал – на время, – добавил он, видя, что глаза Элен наполнили слезы. Элен прикрыла грудь и спросила:

– А что случилось?

Этот вопрос разозлил Рудольфа еще больше, однако он сдержал гнев.

– Это пока не случилось, но может, а теперь позволь. Я уезжаю. Надолго ли, не знаю. Как будет время, дам о себе знать, – и Рудольф поспешил на вокзал.

Действие двадцать пятое

Элен не знала, что ей делать. Все так неожиданно. Да, прескверный характер Рудольфа был, мягко говоря, далеко не для нее, нежной и любвеобильной. Однако за него, за этот характер, возможно, она и любила его. Не потому что уважала, а потому что этот характер всегда добивался своего. Рудольф не терпел противоречий. Элен видела в нем настоящего мужчину. Но в этот раз произошла перемена. Причем резкая. Рудольф был раздавлен. По нему словно проехался бронетранспортер. В его глазах она видела метание, безысходность. Ей стало не по себе. Она одна. Что делать? Элен оделась и, несмотря на поздний вечер и мокрую погоду, вышла из дома.

Действие двадцать шестое

– Элен! Ты? – в глазах Ричарда было не то недоумение, не то взволнованность. – Что случилось?

На пороге стояла Элен. Куртка и капюшон слегка намокли.

– В такую погоду?

– Может, дашь войти, или ты не рад мне?

– Ну, что ты, что ты, проходи, конечно, я тебе очень рад. Просто так неожиданно. А, прости, выпить хочешь? В самом деле, чего я спрашиваю, конечно, выпить, ты вся промокла. Давай раздевайся. Куртку на вешалку, пускай сохнет, – засуетился Ричард.

Вскоре они уже свободно качались в креслах с бокалами великолепного вина. Ричард взволнованным взглядом окидывал Элен с головы до очаровательных ног. Сердце его часто билось. При виде этой красавицы его страсть нарастала. Элен, как будто почувствовав это, немного закрыла раздвинутое декольте и одернула юбку. Взглянув на Ричарда независимым взглядом непреступной женщины, коротко произнесла:

– Рудольф уехал.

Ричард, глотнув вина и перестав качаться в кресле, спросил:

– Куда?

– Не знаю, – ответила Элен. – Все очень странно, я его никогда таким не видела, поэтому я здесь и хотела бы знать, что произошло. Ведь он был у тебя. А ты все не можешь простить ему тот старый грех, который он сотворил со мной! Да! Я поддалась его чарам, да, сейчас я люблю его, даже с его мерзким характером! – Элен едва не перешла на крик.

– Что произошло? Да, собственно, ничего. Да, упомянули тебя, ну и что? – Ричард спокойно продолжал качаться в кресле и потягивать шампанское. Но его спокойствие было только внешним. Он в мыслях уже раздевал ее. Он хотел ее как женщину. Ему нравился ее дерзкий тон, ее мнимая неприступность. И то, что она теперь из себя корчила, было просто смешно. Ричард хорошо знал ее, и сейчас она была прекрасна!

– А то, что его сейчас нет рядом со мной, вот что! – ответила Элен.

– А ты его сегодня очень хотела, ждала, приготовила для него свое тело! – Ричард встал из кресла и подошел к Элен. – А теперь его нет! Хэллоу! Рудольф! Где ты? И ты пришла ко мне, чтобы получить порцию ласки, которую он тебе сегодня не дал!

Резкая пощечина прошла по его щеке, но это только воспламенило в нем желание овладеть Элен. Он схватил ее за плечи:

– А где сейчас он?! Есть только я! Он сбежал как трус! Вот его эго! А я хочу тебя, поняла?! – голос Ричарда переполняло вожделение. Он зажал Элен, которая отбивалась от него, в объятия страсти.

Действие двадцать седьмое

Старый профессор открыл дверь. На пороге стоял Рудольф.

– Рудольфик! Это ты? Приехал навестить старого и всеми забытого профессора? Да к тому же еще и немощного. Ну, проходи, проходи.

Рудольф прошел в комнату. Усталый от поездки, он опустился в кресло.

– Так что привело тебя ко мне? – профессор принес Рудольфу бокал вина. – Это с дороги не повредит. Так, слушаю тебя.

Рудольф не спал ночь.

– Я приехал за помощью, – сухо проговорил он.

– За помощью? Какой? – удивился профессор. – Чем я тебе могу помочь?

– Мне нужен ваш совет, – сухо произнес Рудольф. – Я не спал больше ночи и не могу уснуть.

– О! Моего Рудольфика замучила бессонница? Это что-то новое в моей жизни. И за советом, как от нее избавиться, он приехал за много километров ко мне? – в голосе профессора звучала ирония.

– Мне не до шуток, профессор, – ответил Рудольф. – Мне действительно тяжело.

– Итак, что же могло такое случиться, что привело моего Рудольфика ко мне? Ученика к учителю по прошествии стольких лет! – старый профессор хорошо знал Рудольфа. Да! Рудольф был талантлив, и этот талант был вперемешку с его необычайной гордостью. Рудольф поведал старому, одинокому, немощному, всеми забытому профессору свою историю с Ричардом.

– Да... – произнес профессор. – Обскакал тебя, значит, твой дружок-то! Дела, однако, у тебя, брат ты мой, неважные, а с твоим характером прямо-таки... хм... Ладно, есть у меня одна идея, познакомлю я тебя с одним ученым, он уже тоже в годах, но младше меня. Он кое-что изобретает, а может, и уже изобрел, и я думаю, пора тебе с ним познакомиться. Тебе работа с ним пойдет на пользу. Я хотел было с ним сотрудничать, но я уже слишком стар. Дам я тебе свои бумаги. Кое-что я тут «нацарапал». Так вот, твой характер для них как раз подойдет. То, что в них написано, скажу прямо, негуманно, и по этой причине я тоже не хочу принимать участие в этом деле. Но здесь есть недоработки, какие – это ты додумай уже сам. Ты сможешь. А теперь пиши адрес того, с кем должен будешь встретиться.

Рудольф записал адрес, профессор протянул ему бумаги. Рудольф нерешительно принял их. Ведь он приехал только за советом, а получил целую работу своего учителя!

– Бери, не бойся, они твои, – сказал профессор. – Я уже стар. Не знаю, сколько мне отведено, но эта работа уже не по моим силам. Подсказать, конечно, подскажу, но делать – увы! Думаю, что вы с Ричардом хорошо сработаетесь, теперь и у тебя есть козыри не хуже его! А теперь ложись спать и ни о чем не думай. Завтра расскажет все само за себя.

Сняв ботинки и плащ, Рудольф буквально рухнул в постель. Сон сразу овладел им.

Действие двадцать восьмое

Сколько себя помнила Элен, такой порции любви она не получала очень давно. Даже от Рудольфа. «А он не такой уж «телок», как кажется», – подумала она про себя, глядя на Ричарда, который покачивался в кресле и потягивал из бокала. Элен уже не думала о Рудольфе. Поправив платье, она встала с постели и, подойдя к Ричарду сзади, обняла его.

– Ты что-то открыл новое, чем был взволнован так Рудольф? Да ладно с ним! Не хочешь – не говори, – произнесла Элен с такой интонацией в голосе, как будто нарочно просила о том, чтобы он все ей рассказал. Да Ричарду и самому не терпелось похвастаться перед красивой дамой.

– Да, я кое-что открыл, и это мое открытие сильно взволновало его, – ответил Ричард. – Он хочет быть властелином науки, мира, да и вообще он о себе слишком много мнит. Мое открытие поубавило его пыл.

– А что ты изобрел? – осторожно спросила Элен.

– Ах, Элен! Неужели ты питаешь искренний интерес к науке? А если и так, то с каких пор?! – Ричард встал, потянулся. – Я изобрел препарат, фактически реанимирующий мертвую ткань. Конечно, пока на небольшое время, но все же может вернуть к жизни.

Элен сглотнула.

– Это что, и покойного можно оживить?

– Ну, что касается покойников, то это было бы слишком, не хватает некоторых деталей, но в общем можно, – хотя голос Ричарда был более чем уверенным, в некоторой степени он просто перед ней выделялся.

– Я тебе его даже могу показать, если хочешь, – проговорил Ричард, явно интригуя.

– Конечно, хочу! – ответила Элен. – Даже очень! – обрадовалась она.

Ричард открыл небольшой сейф.

– Пожалуйста!

Перед Элен стояла небольшая колба с белым порошком, похожим на соль.

– А это и есть фактически соль! – отрапортовал довольный своим успехом Ричард. – Только модифицированная. Конечно, кое-что изменено, кое-что добавлено, и вот результат! Все просто и гениально! Вполне съедобна, ее можно даже добавить в пищу, и ничего не произойдет, но если ввести внутривенно покойнику, то за последствия я как-то не ручаюсь, – гордость явно переполняла его.

Элен была так взволнована, что залпом выпила приличную рюмку виски. Ее не волновали восставшие из могил мертвецы, нет, ей было не до них. Ее окрылил Ричард своим открытием. И, опьяневшей, ей вновь захотелось любви. Теперь уже она повалила в постель Ричарда. Сердца вновь сильно забились в накрывшей их волне страсти.

Действие двадцать девятое

Ночь была полна раздумий. Яркая луна светила в окно. Тишина. Семен Скоробогатов вспоминал прошедшие недавно дни. Он вспоминал, как ночью осторожно, чтобы никто не видел, хоронил тело женщины, а утром все-таки вызвал полицию, рискуя быть посаженным в тюрьму за «убийство», которое не совершал. Он знал, что полиция ничего про нее не знает, но все-таки позвонил туда. Вспоминал, как откапывали тело, далее составляли протокол, как косо смотрели на него. Как после долгих допросов решили оставить его в покое, а тело женщины увезли в морг приехавшие на вызов полиции врачи. Как умолял он не кремировать тело, а дать ему знать, и он сам приедет и заберет его. Как выслушивал он серьезные нарекания за то, что закопал труп в неподобающем месте, и как слезно обещал, что более такое не повторится, лишь бы вернули ему ее. Так он познакомился с Алексеем Карташевым, тем самым следователем, чье дело об убийстве так и не сдвинулось с места, и как он, Алексей, посодействовал в этой просьбе Семену. Как увозили от него плачущую и протягивающую к нему ручонки девочку и как Алексей, видя эту картину, пообещал ему помочь с девочкой, чтобы ее вернули к нему обратно. Прошли дни: ни Алексея, ни девочки. Как она там, что с ней? Конечно, для медиков она объект пристального наблюдения, очередная «забава»! Они с нее глаз не сводят. А она даже говорить не может. Так он лежал и думал.

– А может, все забыть, да и дело с концом! – произнес он вслух сам для себя.

– Как бы не так! – ответил чей-то голос из темноты.

Голос знакомый. Незванный гость включил свет. Жмурясь, Семен сел на кровать.

– Кого там еще шут несет? – проговорил Семен и ахнул. На пороге стоял Алексей.

– Хорошо гостей встречаешь! – Алексей шагнул в комнату. – К тебе можно или как?

– Леха! Ты! А я-то думал!.. – воскликнул Семен.

– А ты «думал»!!! – дружески передразнил его Алексей. – А я вот сам пришел! Водочкой угостишь?

– Давай, давай, налью, а я, понимаешь, ностальгирую. Как там она, что с ней. Ты не в курсах?

– Не знаю, Семка, не знаю, понимаю одно – девочку выручать надо. Она там у них как кролик подопытный. Вот так! – Алексей выпил, ничего не приходило на ум.

– Слышь, Леха! А как дело, ну, с ней? – с мольбой в голосе спросил Семен.

– Да, дружок, ты тут явно перестарался, – проговорил Алексей, откусывая огурец. – Ты мне, пожалуйста, ответь, ну за каким хреном ты ее в огороде закопал? А? Да еще и ночью!

– Ты знаешь, сам не знаю! – ответил Семен. – Ну, дело такое, понимаешь!

– Да я-то понимаю, а вот они! Им-то попробуй это сказать-доказать! – сказал Алексей, показывая пальцем на свое плечо. – Погоны есть погоны! Понимаешь?

– Да, понимаю, – ответил Семен. – А как я так с ней жил! Она – душа-человек! Привык к ней. А красивая какая! – по щеке Семена потекла пьяная слеза.

– Сема! Ты, часом, не «того»? – с небольшой иронией спросил Алексей.

– Да нет, Леха, не того. Понимаешь, дело тайное, ну, вот я тайно и решил, – ответил Семен.

– И чтоб никто не догадался! – пропел повеселевший Алексей.

– Значит, кремация... – Семен обреченно опустил голову.

– Что эта песня о тебе! – продолжил Алексей и, выпив еще немного водки, закусив огурцом, вдруг, хлопнув Семена по плечу, добавил: – Эх, Сема! Да вон, в машине она у меня. Вернее, в тележке. Еле-еле уговорил начальство отдать тело.

Семена словно что-то приподняло.

– Леха! Это правда?!

– Да ну, что, я тебе врать буду? – с иронией ответил Алексей, а потом серьезно добавил: – Ты мне лучше вот что скажи: ты свою родню хорошо знаешь?

– Да как тебе сказать, – ответил Семен. – Родители живы, но живут не здесь. Нет-нет да и приезжаю к ним. А так, ну, есть какие-то. Я особо в их жизнь не вмешиваюсь. А что?

– Ну а поименно-то знаешь? – Алексей серьезно смотрел на Семена.

– Ну, как поименно, – задумался Семен. – Вообще кого-то знаю, кого-то нет. А чего это тебя так интересует?

– А знаешь ли ты из своих родственников некую Юлю? – спросил Алексей.

– Юля, Юля, что-то знакомое, – Семен начал вспоминать. – Ну да, вроде как есть такая родственница, так, седьмая вода на киселе. Да, и, насколько я помню, ее имя почему-то с другим путали.

– Это с каким? – насторожился Алексей.

– Кажется, по-моему, с именем Люся, – напрягал мозги Семен. – Ну да, вроде как с Люсей. Почему? Понятия не имею.

– Так! Все сходится! – пробормотал Алексей.

– Что сходится? – теперь уже насторожился Семен.

– А эту Юлю-Люсю ты ни разу не видел? – спросил Алексей.

– О нет! Ни разу. Так особо не общаемся, – ответил Семен. – А чего случилось-то?

– Не знаю, как тебе сказать, Сема, – чуть с грустинкой в голосе произнес Алексей. – В общем, целую работу провели с этим трупом. Ну, сам понимаешь, сейчас техника на грани фантастики. Ты уж прости за прямоту, но этот труп принадлежит это самой Юле. Твоей родственнице, вот так!

У Семена аж сердце захолонуло.

– Да ты что? Леша, это как же это так?

– Вот так, Сема, – произнес Алексей. – А ты думаешь, что ее тело мне просто так смогли выдать? Тебя вон сколько времени допрашивали! Да как, да что, да откуда. Правда, когда дело дошло до этого роддома, то сверху пришел приказ это дело закрыть. Вот такие дела. Так что родственница она твоя, Сема! Не родственникам тела не отдают. Я и то еле его выпросил. Так что даже не знаю, повезло тебе или нет, мне сказать трудно. Пойдем, поможешь.

Семен выбежал во двор и кинулся к калитке. Там, в ночной тиши, стояла машина с прицепом.

– Потом посмотришь, – сказал Алексей. – Ворота для начала открой.

Семен открыл ворота, и Алексей заехал внутрь сада.

– Ну, вот так оно будет лучше, – хлопнув дверцей, произнес он.

Затем, подойдя к прицепу, снял с него укрывавший его брезент. Семен увидел тело покойной, завернутое в черный пакет. Ему стало легче.

– Ну, с ней завтра разберемся, – сказал Алексей. – Куда ночью-то на кладбище переться? У нас ведь, кроме нее, еще и живая душа есть. Теперь о ней думать надо.

Они опять уселись за стол. Ничего в голову не приходило. Может, она уже в какой-нибудь такой лаборатории, куда им путь заказан. Вместе они так долго сидели, пока не заснули.

Действие тридцатое

– Эта девочка – ключ к разгадке того, что творится там, в роддоме, – произнес один из врачей, внимательно рассматривая девочку.

Девочка сидела и таращила на них испуганные глазенки. Она хотела домой, к «папе». Но ее не отпускали.

– И как вы хотите воспользоваться этим, так скажем, «ключом»? – спросил другой врач.

– Лично я никак! Я ее отдам в спецлабораторию за большие деньги. Мне-то все равно, а вот им, что происходит там, интересно, не так ли? – у врача блеснули алчностью глаза.

– Да ты что, продать ее захотел? – второй врач с некой укоризной в голосе спросил коллегу. – Ты рассуждаешь как наемник.

– А что такого, эта девочка не девочка, а биоматериал! Въезжай, дубина! – врач вышел из кабинета и огласил с порога приговор.

– Завтра отвезем куда надо!

Действие тридцать первое

Однако на следующее утро маленькую девочку уже нельзя было назвать маленькой, за ночь она стала уже вполне себе почти подростком. Оба медика, увидев такие перемены, переглянулись. Их несколько шокировал такой темп развития и роста этого создания. Затем посадили ее в машину и поехали по намеченному пути. На заднем сидении была девочка. И вот впервые под шумок и легкую тряску машины она стала произносить нечленораздельные звуки. Медики, услышав это, переглянулись.

– Вот-те раз! – произнес первый. – Мало того что выросла, так теперь еще и рот открывает!

– А вот-те два! – ответил другой. – Выросла она, и не мало, как ты сказал, а много!

Тут они решили прибавить ходу и забыли о правилах. На свисток инспектора отреагировали адекватно. А дальше – как в сказке: ваши права, куда едете, чего везете.

Девочка, перенесшая уже столько всего, поняла, что это ее единственное спасение, и закричала. А через некоторое время у Алексея зазвонил мобильный телефон. Алексей устало снял трубку.

– Алло, слушаю, – убитым голосом ответил он и вдруг радостно подскочил. Из трубки доносилось:

– Алло! Леха! Это не твоя ли случайно девочка у нас в отделении?

Действие тридцать второе

Почему люди не летают как птицы? Этот вопрос терзал ученых, философов, писателей, поэтов. Ох, если бы они видели двух «сумасшедших» от счастья, то все единодушно бы сказали: «Да! Летают!» Да! Их надо было видеть! А вот они не видели дороги! Они уже не помнили, как открыли калитку, запертую на ночь.

– Сема! Осторожно! Каалииткааа!

– Чего?

– Да уже ничего!

– Да хрен с ней! Починим потом!

Они не помнили, как оказались на улице. Как раскидали в стороны воробьев, подвернувшихся им на пути целой небольшой стайкой, а те ошалело отлетали в стороны, испуганно озираясь. Как Семен пролетел мимо собственной машины. Может, таким образом он думал быстрее добраться до отделения, и наверняка бы добрался, но в это время Алексей крикнул:

– Семен! Машина!

– Ох е! – только и смог выпалить Семен, как уже был за баранкой.

Действие тридцать третье

Алексей Карташев и Семен Скоробогатов. Им суждено было стать друзьями. Но что их ждало впереди, этого никто не знал. Они знали только одно: они счастливы, потому что везут домой к Семену девочку, вырванную судьбой из рук экспериментаторов. Да и просто потому, что они полюбили ее как дочку. Ее жизнь теперь была в их руках. Девочка теперь все понимала, только все время молчала. Но была несказанно счастлива. Ее губы украшала озорная улыбка.

– Слышь, Леха! А чего она все время молчит? – взволнованно спросил Семен, ведя машину.

– Время еще не пришло! – ответил Алексей. – Вот погоди! Скоро начнутся «почемучки». Семен, улыбаясь, посмотрел на девочку.

– Ох и озорница ты у меня будешь!

Приехав домой, Семен поставил машину и побежал готовить, чтобы накормить девочку. Алексей тоже сел за стол. А через некоторое время на столе красовалась жареная картошка. Здесь был и салат, и огурчики, и помидорчики! Алексей нарезал колбасу. Как говорится, коллектив мужской, но за столом сидела хоть еще маленькая, но дама! Семен налил ей в бокал компот.

– Ну! С возвращением! – Семен поднял рюмку.

– С возвращением! – поддержал Алексей.

После еды они втроем поехали на машине Алексея на кладбище хоронить мать девочки. Скоро вырыли могилу. Постояли некоторое время.

– Вот, моя хорошая, – произнес Семен, глядя девочку по голове. – Запомни это место. Здесь лежит твоя мама.

В эти минуты девочка была серьезна. Алексей и Семен аккуратно положили тело в могилу уже навсегда. Когда могила была зарыта землей, девочка положила на нее полевые цветы, а Семен произнес:

– Спи спокойно, надеюсь, что теперь никто не потревожит твой покой.

Прошло несколько дней. У девочки стала заметно проявляться грудь. Она набухла. Да, девочка росла на глазах. Семен давно понял, что покупать ей одежду просто бессмысленно. Девочка обычно сидела укутанная простыней. Как-то раз Семен присел около нее, смотрел на нее, «Что-то не хватает для полного счастья, – подумал он. – Ну, конечно, имя, ведь ты без имени, как же тебя назвать?» Девочка не знала, что такое стыд, да ей это просто было незачем. Пока не прикроешь ее, она так и будет сидеть голышом. Зато аппетиты были хорошие. Семен за это еще больше любил ее, ест – значит любит своего папку. А как же еще? Ежели у человека плохой аппетит, значит, что-то не то. И вот теперь он задумался над ее именем. Как назвать девочку? Много имен перебрал он. Ни то, ни другое не подходило. А хотелось что-то звучное, неземное. Может, Аэлита, но такое имя уже есть. Алексей Толстой намного опередил Семена. Вдруг девочка взглянула на него как-то особенно, и он почувствовал, что как будто из бесконечности до него доносится имя – Лия! Что означает это имя, он не знал, но оно пришлось ему по душе.

– Лия! Ты будешь Лией! Какое красивое имя! Оно звучит как из Вселенной, так и из глубин океанов!

Аж мурашки прошли по телу Семена. А Лия уже улыбалась ему своей подростковой улыбкой. Казалось, ей тоже понравилось это имя. Так пошли дни.

Действие тридцать четвертое

Как обычно, Лия была беспечна, а что еще делать ей, когда она действительно не от мира сего. Ночью любовалась звездами, в дождь сидела, укутавшись, чтобы создать уют. Время шло, как вот однажды Лия, гуляя у дома, не заметила, как кто-то подошел к ней сзади. Девочка почувствовала на себе тяжелый взгляд и резко обернулась. Рядом с ней стоял мужчина и словно буравил ее своим взглядом. Лия оторопела. Она тоже в упор смотрела на этого человека. Казалось, что даже время остановилось. «Кто он? – подумалось девочке. – Откуда? С таким давящим взглядом». Да, она смотрела на незнакомца уже далеко не с отсутствующим взором, а вполне осмысленно оценивала ситуацию. Социальная среда внесла в ее мозг свои коррективы. Она становилась полноценным человеком, способным жить в обществе. Так, обменявшись взглядами, они разошлись. Но у Лии зародилось странное предчувствие некой опасности. Легкое, как облако, оно едва сдавливало грудь. Лия зашла в дом, скинула с себя рванье, больше надеть было нечего, и улеглась в постель. Отвернувшись к стене, она решила уснуть, но, как ни старалась, не могла. Да, она уже много чего пережила, и все заканчивалось хорошо. Но в этот раз она чувствовала что-то зловещее. Выпив молока с медом, она все-таки уснула. Снились ей облака, солнце, безмятежность природы. И ей хотелось жить! Жить и радоваться этой жизни, как ребенку, у которого отняли детство.

Доктор Себастьян Остерн – единственный в своем роде человек, умеющий искать истину, чего бы это ни стоило. Он был человеком увлекающимся, ему были интересны тайны и загадки природы. Да он и сам далеко не отошел от них. Сам был загадкой. С миром он не дружил, считая его склепом души. Сейчас он сидел за рабочим столом и корпел над какими-то чертежами и рисунками. К нему-то и направил старый профессор своего ученика, своего Рудольфа. Было уже изрядно темно, когда в дверь Остерна позвонили.

– Кого там несет?! Я занят, я очень занят! – Остерн заковылял к двери. Его мучила подагра и не давала ему покоя. Однако он привык к неожиданно возникающей боли. И вот сейчас она тоже дала о себе знать.

– Кто там? – резко спросил Остерн.

– Простите, доктор, за беспокойство, – раздалось за дверью. – Меня к вам прислал профессор Роуэн, мой учитель.

Дверь открылась, и перед Рудольфом возникла небольшая фигурка старого седого доктора Себастьяна Остерна с большой плешью, небольшой, слегка включенной бородой и непослушными седыми волосами.

– Вы от Роуэна? Смига Роуэна? О, Вселенная, как он там? Совсем один. А вы его ученик. Очень приятно. Простите, как вас?..

– Мое имя Рудольф.

– А, да-да, конечно, вспоминаю. Вроде он как-то говорил о вас. Так как он, что с ним, не стряслось ли что плохое? – засуетился Остерн.

– С ним все хорошо, – ответил Рудольф. – Он прислал меня к вам, он сказал, что вы талантливый ученый, что в свое время даже хотели получить препарат, оживляющий ткани.

– Да, хотел, я хотел получить эту фантастику, силоттолин, но, увы, что-то пошло не так, как я задумал. Вероятнее всего, это все-таки фантастика. Но у меня есть кое-что другое, более реальное, но такое же фантастичное! – его глаза засветились, и лицо даже будто помолодело.

Рудольф напрягся, он понял, зачем Роуэн направил его к Остерну. Именно он, Рудольф, должен был соединить в единое целое два открытия.

– Нужны эксперименты, Рудольф, нужны люди. Эксперимент-то гуманный. Все построено на движениях. Фактически я создал теорию движения. А людей нет. Нет людей – нет экс-

перимента. Нет эксперимента – нет циферок. Нет циферок – идея летит к шутам. Так устроена наука, вот так, товарищ дорогой! – разоткровенничался Остерн.

– А что за теория? – заинтересовался Рудольф. – Вы мне можете приоткрыть занавес секретности? Если она действительно ценна, то я бы мог стать вашим коллегой, – Рудольф смотрел на доктора своим пронизывающим взглядом.

Остерн сел и погрузился в раздумье. Потом посмотрел на Рудольфа и произнес:

– Ладно, идемте за мной.

И доктор Остерн заковылял в рабочий кабинет, за ним твердой походкой направился Рудольф. В кабинете царил «рабочий беспорядок», книги, бумаги – все валялось под ногами и не убиралось годами. Казалось, полный хаос, но именно Остерну удавалось выудить из этого хаоса все необходимое для плодотворной работы. Он знал, где какая бумажка лежит. Рудольф аккуратно прошел в кабинет. Остерн отбросил в сторону ненужные бумаги, оставив самые необходимые.

– Ну-с, дорогой друг! Вот то, что и есть самое необходимое, что вам нужно посмотреть! – Остерн с деловым взглядом предоставил Рудольфу бумаги. – Я не буду стоять над вашей душой, а если будут вопросы, то, конечно, отвечу, – и Остерн, оставив Рудольфа с ворохом бумаг, удалился в другую комнату.

Рудольф начал внимательнейшим образом изучать их. Сначала все было совсем ненаучным. Оказывается, Остерн изучал боевые искусства Востока, точнее, пытался разобраться в их теории. Остерн в поисках истины, записывал все, что приходило в его голову. Долгие годы, а дело это, надо полагать, было действительно не одного дня жизни. Он внимательно наблюдал за движениями тех, кто посвятил себя и свою жизнь единоборствам. И чем больше он наблюдал, тем более и более приходил к выводу, что в них что-то получается не так хорошо. Прежде всего отличий школ друг от друга практически нет. А если они есть, то описывают их как-то не так, очень непонятно. Затем каждая школа хвалит только свои техники. Но что всегда поражало, то это безумная физическая подготовка! Но если человек просто сильный, то зачем ему единоборства? Большое количество вопросов поднимал доктор Остерн. Все это должен был за короткое время изучить Рудольф, чтобы приступить к экспериментам.

Не все так просто, прошло еще пару дней, прежде чем начало что-то открываться сознанию. За это время Рудольф забрасывал доктора вопросами, и Остерн терпеливо объяснял, что к чему. Наконец по прошествии недели острый ум Рудольфа понял основную идею Остерна систематизировать единоборства, но оставался вопрос: для чего? Если бы Рудольф раньше занимался единоборствами или хотя бы имел интерес к ним, то ему, разумеется, было бы проще и он не задавал бы себе таких глупых вопросов. Надо отдать ему должное – он терпеливо за две недели изучил то, что выстрадано было Остерном годами.

Прошла неделя. Как-то утром Рудольф подошел к зеркалу. Взглянув на себя, он увидел усталые, в больших синих впадинах, глаза. Открыв кран, он умыл лицо, выпрямился, вновь посмотрел на себя в зеркало, и вдруг пот легкой испариной выступил у него на мокром лбу. Он закрыл лицо руками, затем, медленно опустив руки до подбородка, вновь глянул на себя в зеркало.

– О, Вселенная! – прошептал он. – Как просто, как все просто!

В это время к нему подошел Остерн. Рудольф вздрогнул, увидел доктора и отшатнулся, чуть не упав.

– Что с тобой, ты устал? Ты взволнован! Да что с тобой, Рудольф? – заволновался доктор. Рудольф смотрел на него почти безумным взглядом.

– Да вы понимаете, что это такое? – Рудольф показал на письменный стол.

– Рабочий стол, – с хитринкой и иронией в голосе произнес Остерн. – А на нем бумаги! Вот и все! – глаза доктора блестели.

Он понял – до Рудольфа все дошло. Такая реакция – это норма для человека, который понял тему. А Рудольфа едва держало на ногах. Истина проста. И вот эта простота просто убивала! Ее надо было просто понять, нащупать, и все выстраивалось той логической цепью, которую нельзя уже было оборвать, или не принять, или даже спутать. Рудольф, не в силах стоять, присел прямо на пол. Он смотрел на Остерна почти безумными глазами.

– Вы говорите, что там бумаги. А что в них написано?! Да вы хоть отдаете себе отчет, до чего вы додумались?

Рудольф даже заметно побледнел. Остерн, до того улыбающийся ему, вдруг убрал с лица эту добрую и хитрую улыбку. На Рудольфа смотрело строгое, волевое лицо истинного исследователя. Остерн вздохнул.

– Да, отдаю отчет. Вам нужно отдохнуть, Рудольф, днем порою спится лучше. До вечера, а вечером поговорим, – Остерн оставил ошалевшего Рудольфа и вышел.

Рудольф остался со своими мыслями наедине. Поднялся с пола, принял горизонтальное положение на диване и вскоре уснул – силы его были исчерпаны.

Действие тридцать пятое

После событий с девочкой Карташева вновь «запрягли» за дело. Не смог раскрыть одно, а тут еще два убийства с идентичными ранениями. Карташев терялся в догадках. Целая «гвардия женщин из колонии», загадочный роддом, в который никого не пускают, ни на какие требования не реагируя, загадочная девочка и «ходячий труп» ее матери. Голова кругом. А тут еще два убийства, как выяснилось позже, с целью ограбления. Но техника убийства была загадкой. Удары нанесены кулаком. Кто и как это сделал? Алексей ехал к Семену. Хотел навестить друга и девочку. Дорога хорошая, попутный ветер. Семен был встревожен.

– Здорово! Что-то случилось? – спросил Алексей.

– Да вроде ничего. Вот Лия какая-то встревоженная. Думал, часом не заболела, градусник поставил, температуры нет. Спросил, в чем дело, – молчит, – ответил Семен.

– А когда она была у тебя разговорчива? Когда в последний раз словом обмолвилась? Ааа... то-то и оно, брат. Смотрю я на нее и думаю: кто из нее вырастет? Растет быстрее гриба после дождя. А в теле ее матери нашли странный препарат. Только сегодня узнал. Нет! Далеко не простая эта девочка. Один раз проснешься, а перед тобой девушка сидит, во всей своей красе! Вот так! – закончил Алексей.

Семен вздохнул: ответить было нечего, Алексей был прав. Когда-нибудь раскроется ее тайна, кто она, но будет ли легче от этого? Но пока Семена волновала ее тревожность, Алексей вошел в дом и позвал Лию к себе. Лия подошла.

– Лия, ты чем-то напугана? – тихим голосом спросил Карташев. Лия подняла на него усталые глаза и кивнула головой.

– Что тебя беспокоит? – Карташев обеими руками взял Лию за плечи.

Глаза у Лии забегали, и она показала руками гору, скривила рожицу, потопала ногами и дернула руками на голове так, как надевают кепку. Семен ничего не понял из этого ребуса. Но Алексей начал прощупывать эмоциональные переживания Лии.

– Это дом? – Спросил Алексей. Лия отрицательно pokrutila головой.

– Что-то большое? – Лия закивала и громко протопала ногами.

– Это человек, и он большой? – догадался Алексей. Лия кивнула головой и еще раз продемонстрировала все заново.

– Так! – сказал Алексей, хлопнув себя по ляжке. – Большой человек с неприятным взглядом, в тяжелых сапогах и кепке!

Лия закивала и захлопала в ладоши.

– Он тебя напугал, сильно напугал, а что тебя испугало в нем больше всего? – продолжал Алексей.

Лия подумала и показала на глаза и руки.

– Так, понятно. Неприятный взгляд, ну, это ладно, а вот что с его руками, почему они тебя так напугали, как ты думаешь? – Алексей внимательно смотрел на Лию.

Лия задумалась и вдруг стала что-то искать.

– Лия, детка, что ты ищешь? – спросил Семен. Но Лия искала по комнате и только издавала звук:

– Уууу, Ууу!

Алексей понял: она пытается найти то, что могло бы дать им подсказку. Не найдя ничего подходящего, она беспомощно развела руками. Семен не выдержал и закурил. Пока он держал горящую спичку, Лия показала на нее. «Что, огонь? Но не могла же сигарета ее так напугать? Нет не то», – подумал про себя Алексей.

– Лия, не бойся, разберемся! – проговорил Семен, вращая в руках кокарду времен СССР, непонятно откуда взявшуюся. – Да вот, с тех времен осталась, – пояснил он.

Лия взглянула на кокарду и вдруг завизжала. Выхватила ее из рук Семена и протянула Алексею.

– Аааа! – закивала головой Лия.

– У него что, была в руке кокарда? Может, ее татуировка? – пытался дознаться Алексей.

Лия покачала головой. Пальцем ткнула в центр кокарды, там, где была красная звезда.

– Серп и молот?! – произнес Алексей. – Он что, был вооружен?

Лия иронично улыбнулась.

– Да, ну не догадлив я, что делать. Будет он размахивать серпом и молотом как рабочий и колхозница! Впрочем, был бы рабочий – был бы человеком, детей бы не пугал! – произнес Алексей. – Так что же тебе так понравилось в этой красной звезде, красавица ты моя, загадочка? – Алексей внимательно смотрел на Лию. «Но ведь перед этим она показала на огонь, – мелькнуло у него в голове. – Что может быть общего между огнем и звездой?» Лия смотрела на него в упор, как бы пытаясь мысленно ему помочь. В это время Семен затянул сигарету. Красный огонек испепелил очередную порцию табака. И тут Алексея осенило.

– Ну конечно! Красный цвет! Красные руки! – Лия запрыгала.

– Лиечка, милая, они были у него красные?! – не скрывая своего волнения, спросил Алексей.

Лия закивала.

– А почему, от чего? – Алексей почувствовал, как вспотел от волнения.

Вместо ответа Лия схватила небольшой нож, провела его лезвием по своей руке. Полоску выступившей крови Лия растерла до локтя. От такого примера друзьям стало не по себе.

– У него на руках следы от крови, он даже тщательно не смывает ее! – Алексей выдохнул. – Возможно, что обитает он в лесу и не брезгает сырым мясом! Вот что напугало ребенка. Вернее, «кто», и этого «кого-то» надо найти.

Действие тридцать шестое

Сон Рудольфа был тяжел. Скорее, это был не сон, а полубред. Сильные переживания, приведшие его к психической истощенности, делали свое дело. Невероятно сильно на него подействовало открытие Остерна. Ему виделось то чертежи, то письма, то сам Остерн что-то говорил ему. То в видении появлялся Ричард, прекрасная Элен. Немало времени прошло, прежде чем, взмокший от пота, он пришел в себя. Он долго приводил себя в порядок. Мытье, бритье и все остальное, чтобы обрести прежний вид. Остерн тоже готовился, правда, к другому – весьма долгому разговору. Наконец они сели в рабочем кабинете перед ворохом бумаг.

– Видишь ли, мой дорогой друг, – начал Остерн, – в мире все взаимосвязано и нет ничего лишнего. Годами я наблюдал за тем, что происходит. Ты спросишь: что? А я отвечу тебе так: наука четко определила, что любой психический акт человека заканчивается движением. Он рождает движение. Я не был бы ученым, если бы позволил себе помыслить, что боевое искусство – это только красивые и сильные движения, не имеющие под собой психологической платформы. Человек прежде должен сначала подумать, прежде чем что-то сделать. Делая то или иное движение в боевом искусстве, невольно задумываешься над тем, а правильно ли я его выполняю, и вообще что я делаю? После долгого наблюдения и тщательного анализа того я сделал вывод, что то, что я вижу в боевых искусствах, не соответствует тому, что должно быть. Сила, скорость, ловкость, выносливость, гибкость – неотъемлемая часть боевых искусств. И это все относится к физической культуре человека. Они помогают овладеть приемами, но нужны силы, там должна происходить постоянная тренировка! А почему? Да потому что без нее, силы, боевое искусство якобы теряет себя! Это они так думают! Потому что превратили его в спорт, – Остерн замолчал. Глотнув чая, он дальше начал раскрывать свои умозаключения, опираясь на строгую логику.

Много чего еще рассказал пожилой доктор Рудольфу, и тот понял, что находится на пороге не просто невиданного открытия, а в преддвериях новой эры! Мурашки волнами бегали по телу, когда доктор рассказывал ему о принципах построения движений каждой из школ и как они отличаются друг от друга. Но более всего поразила таблица принципов боевых искусств, с помощью которой можно было создать любой алгоритм движений соответствующей школы и определить их совместимость.

– Вот такие, брат ты мой, дела! – Остерн откинулся в кресле.

Он понимал, что открыл Рудольфу огромную тайну, но без него, Рудольфа, он уже ничего не мог бы сделать. У Рудольфа были связи, а главное, у него был его чудовищный характер. С его помощью можно было начинать делать хоть какие-то эксперименты.

– Остерн, вы говорили о принципах построения движений, с помощью которых можно добиться возникновения синергетического эффекта, но главное, вы показали их отличия, и теперь каждый может просто тренироваться даже в домашних условиях. Открыли очень важный момент их совместимости. А мне кажется, что за этим открывается то, о чем и подумать страшно.

Действие тридцать седьмое

Глубокою ночью озаряла очень яркая луна, как-то необычно яркая, как предвестница чьего-то рождения. Вся комната, в коей мирным сном спала Лия, была залита этим светом. Семена, спавшего в другой комнате, вдруг как будто что-то разбудило, странное предчувствие чего-то неведомого. Какая-то легкая тревога, какое-то томление, будто он должен встретить сейчас существо из глубин Вселенной. «Еще бы», – подумал он.

– Какая луна яркая! Поневоле задумаешься. А красота! Ночь, а светло! – с этими словами он встал с постели, обернулся простыней и пошел посмотреть, как там спит Лия. Лия безмятежно спала, укрывшись одеялом. «Ну, хорошо спит, луна не разбудила», – только подумал Семен и уж хотел идти к себе, чтобы лечь и постараться уснуть, как Лия сладко потянулась в постели и уселась на нее.

– Вот те пожалуйста, и она встала. Ну и луна! Такой еще не бывало, – тихо сказал Семен. – И тебе не спится, Лиечка, – произнес он слегка зашпанным голосом и, подойдя к ней, сел на пол.

Он невольно залюбовался ее красотой. Все в лунном свете, и, окутанная этим светом, Лия казалась неземным существом. Странно, но слышалась даже вроде как музыка. Музыка Вселенной, и каждая клеточка Лии была пронизана этой мелодией. Семен сидел перед ней с широко раскрытыми глазами, почти не моргая. Странно и удивительно выглядела эта «инопланетянка» действительно неземной красоты! Ее обнаженное тело как бы само излучало этот свет, который нес в себе и распространял в округе эту музыку.

– Какая ты красивая... – прошептал Семен. – Ты точно с иной планеты.

Лия сидела прямо, спустив ноги на пол, при этом ее большие глаза, казавшиеся лазурными, поражали своей бездонной глубиной. Как будто бы космос, огромный космос сжался до размера этих глаз, войдя в них. Лазурные, с иссиня-черным оттенком, смотрели они вперед, четко и строго, как у египетских сфинксов. Черные волосы Лии, в которых блестел свет, ровно и величественно спадали с ее прекрасных, белых в свете луны, плеч. Лия сидела, не шевелясь, не моргая. По телу Семена забегали мурашки. Была заметна едва ощутимая легкая улыбка, так же застывшая на лице Лии.

– Лия, детка, что с тобой? – едва шевеля губами, спросил Семен. Девушка не отвечала, а продолжала сидеть, залитая лунным светом. Семену сделалось не по себе. Он хотел взять ее за руку, но какая-то сила как стена остановила его. Вдруг действительно как будто Вселенная раскрыла свои объятия, ее недра устремились в девушку. Космическая музыка охватила комнату. Лия, обнаженная полностью, поднялась во весь рост! Казалось, что потолка, да и комнаты, уже нет! Что эта изящная красавица-исполин поднялась высоко-высоко в звездное небо, что ее волосы слились воедино с этим черным куполом и запутали собой звезды! Лия глубоко вздохнула, развернув плечи и до хруста прогнув вперед позвоночник. Воздух с необыкновенной силой вошел в ее легкие, заставив расшириться грудную клетку. Колоссальная ЖЕНЩИНА-ВСЕЛЕННАЯ предстала перед простым водителем. Ее удивительно красивые груди, и без того с большими, острыми, торчащими вперед сосками, выпятились и устремились вверх! Семен, пораженный всем, полулежа у нее в ногах, теперь смотрел на нее, задрав голову и не зная, что дальше будет. Наконец, когда Великий Экстаз прошел, и Лия вновь обрела Землю, она взглянула все еще лунным взглядом на Семена, находящегося у ее ног, и одарила его легкой неземной улыбкой. Семен находился в полушоке от всего увиденного и услышанного. Но, когда Лия вдруг заговорила, впервые в жизни, тут он сам потерял дар речи.

– Вселенная слышит, Вселенная говорит, и я слышу Ее, – сказала Лия, Семен протер глаза.

– Здравствуй, Сема! Теперь я знаю все. Включилась мегапрограмма. Удивительное состояние преобразования. Я не знаю, кто я, но знаю, на что способна. Я начинаю путь! – проговорила Лия.

– Лия, – тихо позвал ее Семен, – о чем ты?

– О своем предназначении, Сема, – тихо ответила она.

Действие тридцать восьмое

Рудольф мог теперь думать только об открытии, которое сделал Остерн. И надо же, что какое-то движение выводит на совершенно другой уровень осознания, на другую логику. Да, именно на другую логику, или, проще говоря, логику второго порядка. Вопрос – как исследовать? Что делать? К кому обращаться? Да, тут было не все так просто. Идею могли просто своровать умные люди. А она между тем открывала невероятные просторы для научных открытий. Он понимал, что находится на пороге открытия теории движения.

– Послушайте, Остерн, вам не приходила идея о том, что мы создаем теорию движения для робота? – спросил как-то Рудольф. – Ведь то, что мы вычислили, есть не что иное как алгоритм! Стоит задать его боевой машине, и она будет вполне самостоятельно принимать решения благодаря этому алгоритму! Получим искусственный интеллект, самообучающуюся систему! Да вы хоть отдадите себе отчет в том, что это такое?!

Остерн посмотрел на Рудольфа.

– Теперь ваше время Рудольф! Вам предстоит много сделать. А насчет робота я думал. Нужны данные, расчеты, цифры, наконец! А этого пока нет, – Остерн печально опустил взор на пол. – Поймите, Рудольф, все озабочены только своей карьерой и отчетами. Дай человеку работу, которую легко защитить, он с радостью возьмется, потому что есть предыдущий опыт. И аспиранту спокойнее, и научному руководителю, рецензентам с оппонентами да и членам ученого совета. Прописана уже вся процедура, все известно. А здесь где этот предыдущий опыт? – Остерн сел, взявшись за голову.

– Ничего, Остерн! Мы пробьем эту идею! Обещаю! – последнее «обещаю» Рудольф процедил сквозь зубы.

Действие тридцать девятое

Рудольф весь вечер провел в раздумьях. Он буквально видел ограничения в движениях, которые давали такую мощь, такую энергию, о которой можно было только мечтать. Следующая мысль буквально пригвоздила его к кровати: «Так это что же получается? Как внутренняя среда, находясь в двух ограничениях, будет держать себя неизменной, так и внешняя не проникнет с чуждыми системе факторами, в противном случае они будут перекодированы. Мы создаем уникальную систему алгоритмов! И программы, получается, почти не нужны! Получается уникальный андроид! Единое информационное ядро! Техноиммунитет! Техническая иммунизация, обеспечивающая технический гомеостаз! И как результат – ИММУНО-АНДРОИД! Новейшая система с узким спектром действий, но, комбинируя все накопленные знания и опыт, ее можно применять при разных условиях!» Рудольфа буквально кинуло в жар. Он понимал, что нужно было действовать, и немедленно.

Действие сороковое

Семен сообщил о перемене в Лие Алексею. Тот немедленно прибыл. Лия была бесподобна! Сказочно красива и знала почти все. Оба убедились, что она результат какого-то биологического эксперимента, может, и более того. Она быстро росла, питалась и, наконец достигнув определенного возраста, стала тем, кем она должна быть. Лия рассказала о мужчине, который ее напугал, и предрекла встречу с ним. Карташев, сам не зная почему, как бы наугад подsunул ей фотографию убитого с проломленной грудной костью. Лия сразу сказала:

– Это от удара каратэ. Прямой системный удар, но второго порядка. Но это уже не спорт. В спорте такого воздействия нет.

– А что это значит – системный и второго порядка? – спросил Алексей.

– Это значит, что этот удар нанесен при помощи принципов второго порядка, открытый логикой того же порядка, – ответила Лия, удивляясь, что они не понимают таких простых вещей.

– Что за принципы такие? – Карташев напрягся.

– Это значит, что система каратэ работает на двух принципах: момента и распорки. Конъюнкция динамики и статики дает такой результат. В результате создается синергетический эффект. Ни сила, ни скорость тут не нужны, – улыбнулась Лия.

– А что происходит, каков конечный результат? Если не сила, то что? – спросил Семен.

– Жесткость! Открывается свойство жесткости, – ответила Лия. – А результат на фотке! Причем жесткость достигается не силовыми или скоростными качествами, а техническими принципами. Своего рода технический допинг. Вот и все премудрости, – Лия улыбалась двум ошалевшим от ее откровения друзьям.

– И ты можешь так? – спросили они в один голос.

– Да, и не только это, и не только я. Нас много. Это мои братья и сестры. Мы чувствуем друг друга. Это каратэ – самое простое. Но, честно признаться, очень экзотичное! – Лия потянулась, ненароком обнажив свое тело.

– Ну дела! – произнес Карташев. – А как быть с этим, Лия? – он вновь показал ей фотку. Лия задумалась.

– Не думаю, что среди нас найдутся убийцы. Мы не для этого предназначены.

– Но ведь кто-то его убил, причем, как ты говоришь, системным ударом, значит...

– Это может означать только то, что кто-то из людей владеет этим, и с этим знанием он очень опасен! – закончила Лия.

Каким-то образом секретная информация проникла в мир.

– Хорошо! Как его остановить? – вопрос Карташева звучал конкретно. Лия удивленно посмотрела на него.

– То есть как? У полиции нет средств? Нет оружия?

– Да, Лия, это так! Но не всякий раз будешь стрелять! – пояснил Алексей.

– Тогда только я! – ответила Лия. – Вас он убьет, только я смогу его победить.

Действие сорок первое

– Не надо торопиться, Рудольф, – голос Остерна прервал раздумья Рудольфа. – В спешке можно наделать много ошибок.

– Прежде всего научный коллектив. Нужны эксперименты, нужны показатели, цифры, наконец, – произнес Рудольф. – Но на ком проводить эксперименты? С животными это явно не пройдет, остаются люди. Но как?

– Я пробовал наладить связи с институтом робототехники, – проговорил Остерн, – но пока безрезультатно.

– Почему? – спросил Рудольф.

– Отчетности по текущим делам бывают иногда важнее мировых открытий. Мало кто в таких условиях возьмет на себя ответственность. Все осторожничают. Ведь идею надо проталкивать. А стоит заикнуться «боевые», так все сразу фыркать начинают, хоть сопли им вытирай. Все ждут теорию движения сразу! А я сразу не хочу им это открывать. Даю базу! Но пока ее примут, пройдет много времени, – Остерн вздохнул.

– Но и сидеть просто так тоже нельзя! – Рудольф выпрямился, оделся и направился к выходу.

– Вы куда, Рудольф? Уже поздно! – позвал его Остерн.

– Не маленький, не заблужусь, – ответил, находясь в коридоре, Рудольф. – Я срочно уезжаю, но скоро приеду. Кстати, Остерн, почему у вас не закрыта входная дверь? За меня боитесь, а сами что?

Рудольф быстро пошел по коридору на выход и не заметил постороннего человека, наблюдавшего за ними. Остерн заковылял к выходу, чтобы закрыть дверь.

«Проклятая память! – подумал он. – Вышел на воздух, вернулся и забыл закрыть дверь». Остерн уселся за письменный стол. Рабочий стол, как любил он называть его. Он сидел перед ворохом бумаг, тех самых секретных документов, которые так сильно взволновали Рудольфа. «Да, это так! Именно так!» – произнес Остерн. От волнения у него пересохло в горле. Остерн вышел из-за стола и направился на кухню. В этот самый момент посторонний человек подошел к чертежам.

Действие сорок второе

Элен открыла входную дверь.

– Рудольф?! Это ты?!

Женщина была буквально ошарашена внезапным визитом Рудольфа на квартиру Ричарда.

– А я вижу, ты здесь неплохо устроилась. Кстати, как Ричард? – начал Рудольф.

– Кто там, Элен? – раздался голос Ричарда.

– Иди и сам посмотри, кто к нам приехал, – тихо произнесла Элен. Вышел Ричард в пижаме.

– Рудольф?! Вот не ожидал! Проходи, дружище, садись! Ты как всегда вовремя!

– Да уж, по жизни меня никто не ждет, сам являюсь, – начал Рудольф, проходя в комнату. – Как призрак в ночи. Как живется с Элен? Она тебя вновь полюбила? Да извини, это же я тогда увел ее у тебя, и то благодаря своим амбициям. Куда уж там. А теперь она у тебя, потому что ты открыл силктолин! Мертвецов не оживляешь? Не приходилось? Ну, это в будущем! Ты знаешь, я уверен в тебе! – Рудольф уселся и начал качаться в кресле.

– Рудольф, где ты был и зачем пожаловал? – спросил его Ричард.

– Вопрос на вопрос: а куда делась Элен? – Рудольф вопрошающе взглянул на Ричарда.

– Она пошла принимать ванну в твою честь! Сейчас придет, – ответил Ричард.

– О! Ванну! Она у тебя принимает ванны, как романтично. Я бы с удовольствием тоже принял ванну вместе с ней, потер бы ей спинку, тем более после дороги расслабился бы с такой красавицей!

– Ты не ответил на вопрос, – сухо перебил его Ричард.

– Какой? – состроил из себя дурачка Рудольф.

– Где ты был? – Ричард понимал: у Рудольфа есть идея, что он так вот просто к нему не появился бы.

– У Роуэна, – тихо сказал Рудольф. Ричард вперил в него глаза.

– У Роуэна? Ты был у Роуэна Смита! То-то гляжу, какой ты смелый! Значит, у Роуэна! Ну? И как он там? Вдалеке от цивилизации? – начал Ричард.

– С ним все хорошо. Да, ты прав, я пришел не с пустыми руками. Предлагаю начать серьезную работу. Как на это смотришь? – Рудольф смотрел на Ричарда.

В это время в комнату вошла Элен. Ее наготу скрывала только прозрачная накидка. Без бюстгалтера, в тонюсеньких трусиках, она присела на колени Ричарда. Ее груди приковали к себе взгляд Рудольфа. А она и не скрывала их, что стесняться двух любовников? И с одним, и с другим она проводила время в интимной близости. Теперь они вдвоем перед ней, а она – как королева! Ричард, еле скрывая негодование, произнес:

– Ты знаешь, дорогая, а нам только что предложили работу! Как ты на это посмотришь?

– Что? Работу? Нам, это с твоим-то открытием? Ха-ха, забавно! И кто предлагает, неужто он?! – Элен с насмешкой чуть ли не ткнула пальцем в Рудольфа. Рудольф был непоколебим.

– Я же говорю, что пришел не с пустыми руками, идея, которую я несусь в науку, колоссальна! И мне нужна будет твоя помощь, Ричард, – Рудольф замолчал.

– Нужна будет моя помощь, а я вот в твоей даже и не нуждаюсь! Ну, выкладывай, что у тебя! – Ричард внимательно смотрел на Рудольфа.

Что помешало Рудольфу начать говорить? Он вдруг, не говоря ни слова, молча встал, резко вышел из комнаты в коридор, накинул на себя одежду и вышел вон. У Ричарда рот открылся от изумления при виде такой наглости. Он даже не понял, что произошло. Элен тоже ничего не могла понять. Наконец Ричард «отмер» и произнес:

– Думаю, что скоро мы сами приползем к нему.

Действие сорок третье

Что задумал Рудольф, что заставило его замолчать и выскочить из квартиры Ричарда, могло бы навсегда остаться загадкой, если бы не случай, произошедший в одной из деревень. Прошло немало времени после такого странного расставания. Ричард уже успел немало провозиться с синоктолином, а Элен все это успело наскучить, когда в новостях появилось сообщение о кустарнике, который внезапно вспыхнул огнем в дождливую погоду. Как-то само собой поползли слухи, наполненные иронией о легендарном гиперболоиде инженера Гарина. Смех смехом, а куст горел! Даже какую-то бабу деревенскую перепугал. И без того религиозная, так у нее после этого случая совсем «крыша поехала». Деревенский батюшка ей говорил, что, мол, не достойны мы, по нашему времени и по нашим грехам, сподобляться такого, тут что-то не то. Да и сам батюшка вроде как не такой уж неграмотный был. Понимал, что чудеса всегда во вразумление свершались, а здесь что – мало того, что старуху перепугал, так чуть было еще и пожар не наделал. Эту бабулю расспрашивала полиция, и место осматривали, на самом деле было все странно. Нет никакой добычи нефти, ни газа, а самовозгорание было. Когда дело дошло до вышестоящих органов и провели экспертизу случившегося, то немедленно прекратили расследование и поспешили засекретить дело. Бабушке рот не закроешь просто так, так отправили на излечение в больницу для «особо одаренных». Батюшке приказали не заниматься не своим делом. Дело было замято. Но, как бы то ни было, все равно и слух был, да и в новостях показали, правда, все свалили на капризы матушки-природы. Как только узнали об этом, вновь у Ричарда появился Рудольф, но на этот раз глаза его буквально горели. Более того, он был не один! Вместе с ним был Себастьян Остерн!

– Ричард! Или сейчас, или никогда! Решайся! – Рудольф сдержанно опустил в кресло.

– А как я могу на что-то решиться, если ты ничего не говоришь?! Ты мне хочешь дать работу! Какую? Вспыхнувший куст – не твоих ли рук это дело?! Что, спичку кинул или плюнул на него?! Дай мне информацию, и я подумаю, как мне поступить, – залепетал Ричард.

Рудольф взглянул на Остерна, тот кивнул в знак согласия. И Рудольф посвятил Ричарда в открытие века, а затем поведал ему о своих планах.

Действие сорок четвертое

– Нет, не так, ты все время забываешь о распорке, момент есть, а распорки нет, – учила Лия.

Семену каратэ как-то так все равно, а вот Алексею надо было знать, да ему и самому было это интересно. Но Семен тоже принимал участие в обучении. Ему было легче, чем Алексею. Ведь то, чему обучали Алексея, было классическое каратэ логики первого порядка, в отличие от того, что преподавала Лия. Семен это прекрасно понимал и наблюдал за «ломкой» товарища. Оказалось, что все то, что тот проходил по рукопашному бою, вроде как и ничего, да уже было не тем, что нужно. А каратэ, которому его обучали, было не совсем каратэ, а попросту какой-то мешаниной, созданной из отдельных приемов. Алексей начинал понимать, что все его сдачи норм по ОФП оказываются почти ненужными. А как его заставляли отжиматься, подтягиваться, и все сводилось к одному – чтобы усилить удар. А в каратэ логики второго порядка это оказалось ненужным. И суть заключалась исключительно в принципах второго порядка. Это же надо, всего-то два принципа: распорка и момент в конъюнкции дают синергетический эффект. Появляется эффект жесткости, а не силы, хотя и с помощью силы в классике вполне получается свойство жесткости, но ведь с помощью силы! И снова физкультура! В отличие от второго порядка, где каждый блок – это не блок, а удар! Не сила, а жесткость начинает преобладать во всем теле. Противник просто разбивается о того, на кого напал. Как все просто. Фактически векторная теория! А главное, что каратэ не требует ничего, его не надо искусственно усиливать, это просто разрушит систему. Оно не может быть применено в боевом самбо, так как оно ответит само за себя, и есть вероятность опять-таки его разрушения. Вывод напрашивался сам собой: если кто-то хочет усилить воздействие каратэ через физкультуру, через включение его в другие виды единоборств, тем более делает попытки создания многофункционального каратэ, тот может разрушить эту ювелирно настроенную систему. Алексей присел на землю. Он любовался Лией, которая отрабатывала движения многих школ. «Лия! Инопланетянка! – пронеслось в голове Алексея. – Ее с толку не собьешь, она все знает, и мне по жизни пришлось с ней встретиться!»

Действие сорок пятое

Рудольф и Ричард снова были вместе. Рудольфу по-своему открылась идея Смита Роуэна и Себастьяна Остерна, и она была грандиозной. Остерн был рядом, но не хотел особенно вмешиваться, то ли возраст все чаще и чаще давал о себе знать, то ли страшное переутомление в ожидании того, что, может быть, все-таки настанет время и свершится им задуманное, привело его к психическому истощению. Продумав все, они пришли к выводу, что проще всего создавать иммуноандроид будет из живого материала, а не лепить робота. Однако за робота взялся Остерн: не повредит. Вопрос был в другом: получить живую ткань было непросто. Роуэн много изучал этот процесс, ставил эксперименты и добивался успеха, но в данном случае этого было мало. Именно поэтому старый Роуэн отдал свою идею молодым. Ричард и Рудольф, они оба «ломали голову», как вдруг идею подал Остерн. Его предложение было простым, но весьма негуманным: а именно заставить «поработать» женщин на благо науки. Единственный выход – это искусственное оплодотворение с внедрением в эмбрион единого информационного ядра. При помощи современных методов обеспечивается быстрое созревание, дальнейшее развитие и взросление. Так что, как будет происходить процесс онтогенеза, вопроса не вызывало. Как только суррогат достигнет нужного возраста, начинает свое действие единое информационное ядро. С этого момента суррогат превращается в иммуноандроида. Техноиммунитет – такого еще не бывало, также как и технического допинга! Можно добавить: технический метаболизм и технический гомеостаз! Когда Остерн поделился этим с коллегами, Рудольф не выдержал и с усмешкой спросил:

– Это, конечно, хорошо. Значит, к нему и врача не надо вызывать, на случай если вдруг гриппом заболеет?

Все дружно рассмеялись. Рудольф со своим жутким характером иногда умел хорошо пошутить.

Но это означало лишь то, что у него хорошее настроение.

– Скажите, Остерн, а почему именно человеческое тело, ведь можно спокойно сделать и робота? А потом, где мы возьмем человеческие тела? – вопрос Ричарда был актуален.

– Ну, во-первых, – начал Остерн, – человеческое тело как никогда подходит под теорию движения, основанную на боевых искусствах, ведь ее придумали люди. Что касается живого материала, на этот счет у меня возникла своя идея, – Остерн, немного помолчав, продолжил: – Возьмем заключенных женщин! Они нам будут отличными «несушками», я их назвал ласкательно «курочками», ибо будут они нам нести хорошие яички!

Рудольф с Ричардом переглянулись: вот это идея! Вопрос – как осуществить?! Остерн ответил им на немой вопрос.

– Через своих друзей! Я договорюсь, это ради науки! Иммуноандроид – прекрасный солдат! Он заменит людей! Чем плохо?

Рудольфу и Ричарду нечего было на это возразить.

– Очень хорошо, Остерн! Значит, создаем лабораторию! – Рудольф был доволен. – А теперь, дорогие, – он впервые произнес слово «дорогие», – давайте выпьем за дело! – и добавил: – За наше дело!

Действие сорок шестое

– Да вы с ума сошли! Да вы понимаете, что это такое? Да ни одна женщина на это не согласится! Даже осужденная! Да и осуждали, тоже за правые дела! Совершила убийство, а кого убила – подонка! Негодяя! Может, он заслужил такое наказание? А ее в тюрьму! Может, будет амнистия, – говорил комендант тюрьмы.

– А вот поэтому и просим мы посмотреть их дела, чтобы выбрать нужных, – сказал Остерн.

Рудольф и Ричард молча смотрели на коменданта. Им казалось, не то что идея, та самая, за которую они поднимали бокалы, а сама просьба Остерна вполне может оказаться неосуществимой. Однако их отвели в архив, где хранились дела заключенных. Знакомый бумажный запах буквально ударил им в ноздри. Они приступили к делу.

Действие сорок седьмое

Семен заметил сразу, что Лия перестала расти. Прекрасная девушка в самом расцвете сил. Она обучала боевым искусствам их обоих. Алексей брал все, скрупулезно стараясь выяснить все детали. Он понимал, что наступает фактически новая эра, эра свойств и их изменения. Семен купил Лие отличную одежду, она стала выглядеть еще красивее. Когда преподавала или занималась сама, то надевала рубаху и штаны, напоминающие кимоно: свободные и прочные, не стесняющие движения. Она уже рассказала своим подопечным о каратэ, кикбоксинге и тхэквондо.

– Ну, что скажешь, Алексей? – спросила Лия.

– Да что я могу сказать? Теперь действительно можно увидеть различия между школами. Они кардинально отличаются друг от друга. Их ну никак нельзя совмещать. Каждая из них по своему достойна, с помощью них можно нанести противнику страшные увечья или даже убить.

– Верно! А какой из примеров тебе больше всего по душе? Ну, в смысле отличий? – задала вопрос Лия, испытующе смотря на него.

– Думаю, – начал он, – гедан-барай из дзенткуц-дачи, как он выполняется классиками, является именно спортивным и для логики второго порядка не годен.

– А почему? – продолжила экзаменовать Лия.

– Потому что из жесткой стойки каратэ у «классиков» делается почти вертикальный взмах рукой вниз, наотмашь. Вот он, самый яркий пример смеси каратэ и тхэквондо, которые несовместимы. Обе школы рушатся. Их смысл превращается в ноль. Ибо вертикальная ось в тхэквондо несовместима с горизонтальной распоркой в каратэ. Центр тяжести все равно будет «гулять» при таком блоке вверх и вниз. Какое же это каратэ?

– Верно! Экзамен сдан! – улыбнулась Лия.

Вот так все потихоньку вставало на свои места. Лия рассказывала, объясняла, показывала, в общем, учила! Карташев брал все до мельчайших деталей.

Действие сорок восьмое

– Дорогие коллеги! Уважаемые! Ну, что значит «боевые искусства»? И вы хотите, чтобы этим занималась наука? Вы знаете, что у нас есть дела посерьезнее. А разного рода мистика, а тем более эта ваша физкультура, нам не нужна, – заявил председатель ученого совета.

В зале шушукались представители фундаментальной науки. Некоторые сдерживали иронические улыбки.

– То есть вы отклоняете наше предложение внедрить боевые искусства в фундаментальную науку? – сдержанно спросил Рудольф.

Ричард взял Остерна за руку и крепко ее сжал.

– Они не понимают, от чего отказываются, – проговорил Остерн. – Только стоит произнести слово «боевое», как вся идея вызывает у них резкое отторжение.

– Не поставлен его величество эксперимент, а без него мы не можем ничего доказать, – произнес Ричард.

– Неужели вам не интересно, что кроется за нашим предложением? Вы бы хоть пришли к нам, – сказал Рудольф.

– Спасибо за приглашение, когда придет время, мы будем знать, куда обратиться. А теперь просим прощения, мы очень заняты, у нас дела. Скажите спасибо, что дали вам слово, – это было последнее, что произнес председатель.

Все трое вышли из зала заседаний. Остерн чувствовал себя полностью разбитым, Ричард бледен, и лишь Рудольф чувствовал злобу на все, что его окружает. Злость лучше отчаяния. Они уже отошли от здания на некоторое расстояние, как к ним подбежал неизвестный.

– Простите, – начал он, слегка запыхавшись. – Я только что слушал вас. Вы мне понравились, понравилась ваша идея, и я хотел бы предложить вам сотрудничество.

– В каком плане? – спросил Остерн.

– Я бы мог продвинуть вашу работу в научный мир, – незнакомец хитро улыбался.

– И каким образом? – насторожился Остерн.

– Я бы мог быть вашим руководителем. У меня есть связи, – незнакомец вел себя явно подозрительно.

– И... что дальше? – Остерн вопросительно смотрел на него.

– Вы поймите, что без руководителя вас не примут в официальной науке, – ответил незнакомец.

– Ага! – Остерн смотрел на незнакомца. – Вы, наверное, хотели сказать, что без вас не примут?

– Ну, это не совсем так, но я, конечно, вам с радостью бы помог! – слегка растерялся незнакомец.

– Став нашим руководителем, – сказал Остерн. – Слышь, Рудольф! Нам руководитель требуется?

– Да как-нибудь без него обойдемся, – ответил Рудольф.

– Да поймите! Я же только для дела! – не терял позиций незнакомец.

– Да, конечно! – ответил Остерн. – Мы свой прорыв в науке обязательно должны разделить с Вами! А как же без Вас? А Вы уже будете одобрять, дескать, какие они молодцы!

– Но я хотел... – но Остерн не дал ему договорить.

– Слушайте, Вы хотите заработать себе звание профессора на нашей работе? Не выйдет! Вот откроете что-нибудь сами – вот тогда делайте с этим что хотите! А то хотите быть причастными к мировому открытию! Тоже мне руководитель нашелся! Одобрять еще лезет! И без Вас все знаем!

– Я же хотел помочь, – заблеял незнакомец, чувствуя, что «куш» уходит от него.

– Ну, вот что, – ответил Рудольф, – мне надоела Ваша болтовня! Оставьте нас немедленно!

– Вы меня еще вспомните! – проблеял им напоследок незнакомец и ретировался.

– Да будь они неладны, – процедил сквозь зубы Рудольф. – А теперь слушайте меня! Будем действовать по-другому. У нас идея! Мы – единый кулак! Скоро они сами приползут к нам.

– Что вы задумали, Рудольф? – с надеждой в голосе спросил Остерн.

– Вернемся на зону, там нам найдется работенка, – твердым голосом ответил Рудольф.

– Да, но ведь наши поиски мало что принесли, мы изрыли пол-архива, а результата нет. Да, конечно, какой-то результат есть, но в целом... – Остерн потупил взгляд.

– А мы не то делали. Оставим бумагу на съедение крысам! Мы будем делать опрос заключенных. Это быстрее и надежнее. Да, я не против бумажных дел, но личность – прежде всего, – ответил Рудольф. Предложение Рудольфа подбодрило Ричарда, и он почувствовал голод.

– А теперь все-таки, может, перекусим? От этих ученых советов все время тянет на сон или еду! – вновь бодрым и жизнерадостным голосом спросил Ричард.

– А почему бы и нет, мин херц, прошу! – и Рудольф, дружески хлопнув по плечу товарища, пошел с ним в ресторан, захватив Остерна. – Не отставайте, Остерн! А то наука и труд без жратвы пропадут! – шутка Рудольфа была озорной и веселой.

Он никогда не был таким. Ему будто стало по душе, что научный мир отвернулся от их общей цели. Что он хотел? Доказать теперь на деле всему миру, какой он? А какой он? Да вот такой, какой есть, – или все, или ничего. Такой цели может достичь только волевой человек. Хлопнула бутылка шампанского. Шашлык, салаты, птица. Затем графинчик водки. Рудольф пил и ел всласть. Друзья поначалу с некоторой тревогой смотрели на него, уж не сошел ли он с ума? Никогда они его таким не видели. А Рудольф, было видно по всему, умел веселиться. Хороший аппетит – признак доброго настроения! «А может, Рудольф был по жизни всегда голоден?» – хитро усмехнувшись, подумал Остерн. Он уже тоже был подшофе.

– Ох, друзья! Я всегда был голоден! – произнес вдруг Рудольф.

Остерн чуть не поперхнулся. «Вот только телепатии тут не хватает», – снова подумал он.

– А что вы все молчите да молчите, я же не телепат! – Рудольф смотрел на друзей вопрошающе. Остерн почесал лысину.

– Так ведь тост перед тем уже сказали!

– И что, теперь мысленно общаться будем? – Рудольф хитро посмотрел на Остерна. Тот залпом выпил рюмку и произнес:

– Кажется, между нами уже телепатия!

– А на закуску телепатия! Ура! – воскликнул Ричард.

– Слушай, а что ты так веселился, я как-то не понял, ведь мы в полете? – Остерн уже наклюкался.

– Мы не в полете, а в ресторане, – сказал Рудольф. – Но это сегодня, а вот завтра будем в науке!

– Наука, промежду прочим, требует трезвые головы, вот! – сказал Остерн.

– Требовать бушь у жены, – Рудольфа тоже уже порядочно развезло, но он продолжал пить. – Вот щас закончу пить и брошу.

Все трое изрядно «нализались», когда официант предложил им освежиться. Выйдя, держа друг друга под руки, друзья направились куда глаза глядят. А глядели они мутно. Правильно говорят: «Бутылка сближает», вот сблизились и они той идеей, которая была теперь их жизнью. Они даже не представляли, что их ожидало впереди.

Действие сорок девятое

Женщины тюрьмы. У каждой тяжелые судьбы. Жизненные ошибки привели их в заключение. Какая озлоблена, какая растеряна, а иная просто ждет окончания срока. Но надежда на лучшее не покидает каждую из них. Рудольф, Ричард и Остерн недаром выбрали для своего чудовищного эксперимента именно их в обмен на временное благополучие – разнообразная пища, отдых, никаких работ, релаксация, кинокомедии, даже вино! Впрочем, все подробности дела из опроса были убраны. Многие женщины давали согласие, особенно те, у которых был большой срок. Именно живая беседа дала ожидаемый результат, а не пыльный архив. Рудольф был доволен. Он имел связи, и они не подвели его в трудную минуту. Не то что ученый коллектив. Связи связями, но надо же и совесть иметь! Но Рудольф в эти дни охотно расстался с ней. Предвкушение будущей победы любой ценой затмило его рассудок. Одну за другой заманивал он заключенных, готовя их к жестокому эксперименту. Может, многие и догадывались, да говорили себе: «Пусть уж лучше так». И они выбирали. Выбирали, сами не зная, на какой эксперимент они соглашались. «Эх! Перед смертью хоть пожить вдоволь!» – вот о чем думали тогда эти несчастные. Их переписывали, готовили к отправке. Поезд уже стоял наготове. Все готовилось к эксперименту. Усиленная охрана, постоянно лающие собаки. Женщины готовились к этой поездке так, как будто их отправляют на курорт. И все же одежды на них были тюремные. Через некоторое время первая партия была погружена в вагоны с окнами «в клеточку». Вооруженная охрана то и дело ходила взад вперед по вагону, следя за порядком. Женщин разделили на две группы – опасные и менее опасные. Их, конечно, везли в разных вагонах. Цель была одна – всех живых и невредимых доставить к месту назначения в строго указанный срок.

Действие пятидесятое

Время неумолимо раскладывает все по своим местам. Оно сближало события прошлого и настоящего. Приближался час, когда герои должны были встретиться.

Как-то раз Рудольф зашел в небольшую «забегаловку». Хотелось немного отдохнуть. Работа шла изнурительная, и немного передышки не повредило бы. Сладко потягивая пиво, он вспоминал тот день, когда выманил у Ричарда силоктолин. О нем никто не знал, пока его не взял за «грудки» Остерн. Эндоферин и силоктолиновая соль дали сильный эффект. Ричарду слегка стало не по себе, когда первый труп «ожил». Рудольф помнил, как Ричард спрятался за его спину, глядя на ожившего мертвеца.

– Все только начинается, Ричи, – произнес тогда Рудольф, подойдя к мертвой женщине и даже поцеловав ей руку. – Мадам! Как ваше самочувствие? – с невероятным цинизмом куражился он тогда перед ней.

Ричарда тогда едва не стошнило. Он пожалел, что не только нашел формулу силоктолина, но еще, более того, что вообще участвует в деле, но деваться уже было некуда. А цинизм Рудольфа дошел до того, что он хотел уже даже станцевать с мертвой партнершей, но в этот момент появился Остерн.

– Вы ее в постель еще с собой уложите, – произнес он, глядя на столь омерзительное зрелище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.